

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Контрразведка: Future

Василий Головачев

Человеческий фактор

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Человеческий фактор / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2016 — (Контрразведка: Future)

ISBN 978-5-699-88785-9

В этот раз Знающие-Дорогу, агрессивные пришельцы, способные изменять вселенные и очищать их от ненужной им жизни, ошиблись. Солнечная Федерация находит, что им противопоставить. Спейсер «Ра» с отрядом Руслана Горюнова, уже имевшим опыт боев со Знающими, отправляется в Дальний космос, чтобы заткнуть «дыру», через которую захватчики проникают во Вселенную людей. А в тайной войне на Земле с агентами Знающих бойцы спецподразделения контрразведки «Сокол» под командой генерала Воеводина делают всё от них зависящее, чтобы остановить вторжение. «Горячих» точек в холодном космосе становится всё больше...
Адрес интернет-страницы автора: www.golovachev.ru

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88785-9

© Головачев В. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василий Головачёв

Человеческий фактор

*Мне всегда хотелось узнать, что будет, если неотразимая сила
наткнётся на непреодолимую преграду.*

А. Кларк. Фонтаны рая

© Головачёв В.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Превентивные меры

Драккар медленно опускался в расщелину между ледяными утёсами Долины Гейзеров, подчиняясь мысли Воеводина, задумчиво разглядывающего округлую махину Энцелада, сверкающую под лучами далёкого Солнца, край колец Сатурна и угольно-чёрное небо в острых шипах звёзд. Самого Сатурна видно не было, драккар уже почти целиком опустился в расщелину, и гигантская окольцованная планета пряталась за тушей пятисоткилометрового спутника, имеющего под толстым ледяным панцирем водяной океан.

Сверкнули две серебристые капли спутников системы контроля базы «Сокол-3», принадлежащей сверхсекретной сети внешней контрразведки Службы безопасности Солнечной Федерации. О существовании базы на Энцеладе знали только ответственные лица контрразведки, и подобная степень секретности оправдала себя в свете последних событий, когда построенный землянами между орбитами Марса и пояса астероидов Суперструнник решили использовать в своих целях пришлые существа – Знающие-Дорогу-Не-Терпящие-Возражений или, иначе, служители Вируса Инферно.

«Сокол-3» остался нераскрытым разведсетью Знающих-Дорогу и сыграл существенную роль в схватке с ними, оставаясь надёжным убежищем для работников сектора контрразведки и базой для её космофлота. Именно отсюда стартовал к Оси Зла в созвездии Кентавра спейсер «Ра» с командой Рудольфа Маккены на борту, чтобы убедиться в конкретности замысла Знающих. Миссия оказалась успешной и позволила спецподразделению контрразведки «Сокол» справиться с атакой жестоких пришельцев.

Однако проблема ещё не была решена полностью, деятельность Знающих продолжалась, их агенты и главный резидент всё ещё оставались не выявленными контрразведкой, и Воеводин, начальник «Сокола», размышлял над этим, пока мощный катер нёс его в глубины Энцелада, сделав круг над спутником по желанию пилота.

«Ра» с экипажем из десяти человек стартовал с базы «Сокола» на Нерейде, небольшом¹ спутнике Нептуна, две недели назад, но прислал всего лишь одно сообщение, утверждающее, что всё идёт нормально, он продолжает полёт к Большой Дыре в пространстве, откуда в земную Мета вселенную и выбирались Знающие-Дорогу, после чего замолчал, что тоже не добавляло оптимизма руководству контрразведки, потому что БОХ – Бомба Хаоса – до сих пор оставалась на тройном Кеплере, а её ещё надо было запустить вслед «Ра», чтобы спейсер сбросил устройство в горловину Большой Дыры и навсегда перекрыл доступ чужим в мир людей.

Что точно произойдёт после взрыва БОХ, не знал никто.

Консультант «Сокола» физик Шапиро сделал несколько предположений насчёт этого, но и он не был уверен в своих выводах на сто процентов, признавшись, что теория и практика редко идут нога в ногу. И хотя его идеи как раз частенько выходили за рамки М-теории, объединившей модель «суперструн» и квантовую гравитацию, даже он шутил, что созданные человеком физические спекуляции отражают лишь уровень его невежества, добавляя при этом:

– Истинно лишь Священное Писание, да и то лишь потому, что так утверждает Священное Писание.

Кабину драккара обняла тьма.

Воеводин очнулся, мысленно скомандовал киб-пилоту:

– Садимся.

В глубине расщелины перемигнулись огни посадочной эспланады.

---

¹ Диаметр Нерейды = 340 км.

Аппарат камнем упал вниз сразу на двести метров – на состоянии пассажира это никак не отразилось, в кабине поддерживалась искусственная гравитация, – и с ходу вонзился в ледяное дно расщелины, созданное маскер-системой базы. Его подхватили силовые багеты грузового отсека и посадили на серый круг ангара с цифрами «01».

Открылся «сфинктер» аппарата, вынося из кабины единственного пассажира, опустился «языком» на клинкглассовый пол ангара.

Воеводин сошёл с «языка», пожал руку встречавшему драккар Грымову.

– Все прибыли, – деликатно напомнил ему замглавы «Сокола», невысокий, белобрысый, неприметного облика, не качок и не брутального вида мачо, скорее «ботаник», как называли таких парней девушки, что, впрочем, не мешало ему решать сложнейшие задачи, стоящие перед защитной системой всей земной цивилизации.

– Прошу прощения, – глянул Воеводин на стену ангара, на которой светились цифры отсчёта времени – общесолнечные, по меридиану Москвы, столицы Федерации, и местного значения: в Москве и на Энцеладе цифры совпадали – шёл девятый час утра; а назначил он встречу всем участникам операции «Нечеловеческий фактор» ровно на восемь.

– Прогулялся вокруг Энцелада, – добавил Воеводин, – этот ледяной мирок мне почему-то симпатичен.

– Потому что он сохранился в первозданной чистоте, – сказал Грымов. – В отличие от многих других спутников. Везде частные компании возводят усадьбы, Луна вообще превратилась в загородную резиденцию олигархов.

– Может, ты и прав. Строят где хотят и что хотят. Даже на Венере с её жарой² и на Меркурии появились частные владения.

– Человечество превратилось в отвратительный конгломерат частных бизнес-кластеров, не подчиняющихся определённому государству, несмотря на реализацию совместных проектов типа строительства Суперструнника. Никто не хочет заботиться обо всей системе, важны только шкурные интересы собственного бизнеса. Вас не посещают вопросы: зачем мы радеем за всё человечество, если оно не требует этого? Дерёмся насмерть с пришельцами, действующими в русле тех же доморощенных отморозков?

Воеводин собрал морщины на лбу.

Взошли на круглый постамент пронзающего лифта, за минуту перенёсшего обоих к центральному ядру базы, где располагались лаборатории, каюты жилого сектора и центр управления. Здесь же находился и личный рабочий модуль начальника базы, в котором главу «Сокола» ждали приглашённые.

– Не задумывался. Тебя-то почему вдруг занесло в эту область?

– Я разговорился с одним чиновником в Комбесе, он меня и спросил.

– Что ты ответил?

– Мы не можем иначе.

– Ну, правильно ответил.

Дверь модуля скользнула в сторону. Воеводин вошёл первым, поздоровался с каждым из присутствующих, сел за стол, по которому бежали строки бланк-сообщений, оглядел внимательно-ждушие лица пятерых мужчин и двух женщин.

Начальника базы среди них не было, совещание было закрытым, и он покинул кабинет, оставив включённой всю аппаратуру обслуживания.

Тадеуш Гицгер, директор Федеральной контрразведки, на совещании также не был приглашён. Несмотря на неучастие в деятельности команды завербованных Знающими-Дорогу людей, он не проявил себя решительным и ответственным человеком, и в «Соколе» к нему относились с прохладцей, как к временщику.

---

² Температура воздуха на Венере +4000° по Цельсию.

– Буду краток, – начал совещание Воеводин. – Положение архисерьёзное. Нужно принимать срочные меры, и я надеюсь, что вы подскажете необходимые шаги. Мсье Леблан, от ваших... мм-м, коллег из МККЗ по-прежнему нет вестей?

Леблан, начальник отдела космоконтроля ФАК (Федерального Агентства контроля за опасными исследованиями), две недели назад многое сделал для контрразведки, будучи агентом Межгалактической Комиссии по контролю исполнения Законов бытия, однако после срыва планов Знающих-Дорогу вселённый в него резидент МККЗ исчез, и Люсьен Леблан превратился в обыкновенного человека, хотя и знающего подробности вмешательства галактической миссии в дела землян.

– Пока ничего, – виновато сморщился француз.

– Перечисляю наши проблемы. «Ра» молчит. Посылать груз с бомбой некуда, финиш-объём не обеспечен. Эксперты возятся с ней, но шансов обезвредить бомбу у нас практически нет. Делали её негуманы, и для исследования устройства инициации потребуются не недели – месяцы, если не годы. Это первое. Второе: Знающие отступили, но их отступление мне почему-то кажется затишьем перед бурей. Главный их эмиссар-координатор остался в Системе, и он нам неизвестен. Допросы уцелевших агентов – Сердюкова, Бодхи, Продля и «шестёрки» рангом пониже ничего не дали.

– Мы работаем, – тихо возразил Грымов, восприняв слова Воеводина как упрёк.

– Я никого не обвиняю. Констатирую факты. У кого-нибудь из присутствующих появились светлые мысли, способные вывести нас из тупика?

Все посмотрели на Шапиро.

Ведущий специалист Института нестандартных физических проблем, вечно занятый разговорами со своим терафимом³ или с инками Института, потряхнул шапкой выющихся непокорных волос, оторвался от внутреннего самосозерцания.

– Извините, я что-то пропустил?

– Мы даже не знаем, что такое БОХ, – со слабой улыбкой проговорила секретарь Комитета безопасности Федерации Ани Санта.

– Бомба Хаоса, – изогнула брови Ярослава Тихонова, командор Федеральной Погранслужбы. К моменту совещания она уже прошла курс лечения после нахождения в плену у агентов Знающих и приступила к исполнению служебных обязанностей.

– Да, бомба, однако мне так никто и не объяснил, что происходит при взрыве такой бомбы. Кстати, кто первый предложил назвать это устройство Бомбой Хаоса?

– Ну, я, – не смутился Шапиро. – Судя по состоянию континуума в районе обитания «пылевики», там действительно никаких материальных конструкций – звёзд, планет и даже элементарных частиц – не осталось. Впрочем, как и от цивилизации «пылевики» в целом.

– Почему ты использовал термин «хаос»?

Шапиро поморщился.

– Название действительно не совсем удачное, но тогда мы не знали, что происходит, и не анализировали последствия атаки «пылевики». Хаос в классическом понимании этого определения, в противоположность порядку, есть бесформенная совокупность материи и пространства. Но в системе «пылевики» наблюдается иное состояние континуума – не беспорядок, плазма, кисель всех видов частиц и излучений, а полное исчезновение материи, вплоть до кварков. Осталось лишь облачко разбегающихся фотонов. Поэтому хаосом это состояние назвать нельзя.

---

³ Терафим – персональный чип-секретарь, вживляется под кожу головы или крепится под волосами на теменной части черепа.

– Чёрт с ним, как ни назови, результат один – пустота. Можно было бы назвать бомбу Бомбой Полной Пустоты, хотя это не имеет значения. Каким образом устройство Знающих генерирует эту самую пустоту в гигантских объёмах?

– Иные законы, иная мерность, – сказал Исфандияр Бодха; к известию о том, что его брат Исфардари, будучи советником президента СОН⁴, служил резиденту Знающих, он отнёсся философски спокойно. Исфандияр тоже был физиком, специалистом в области космологии, но работал в Азиатском бюро исследований и даже принимал участие в предыдущем походе «Ра» к Омеге Кентавра.

– Чтобы объяснить вам основы расчётов Знающих, – сказал Шапиро, – как мы это понимаем, хотелось бы прочесть краткую лекцию по базовым физическим теориям. Иначе вы ничего не поймёте.

Воеводин встретил весёлый взгляд заместителя, проворчал:

– Только не увлекайтесь, Всеволод. Нам не нужны головоломные рассуждения и терминология вашей учёной братии.

– Постараюсь на пальцах. Как известно, наша Мета вселенная зарождалась десятимерной. После периода сверхбыстрого инфляционного расширения, длившегося ничтожную долю секунды⁵, семь из десяти измерений свернулись в «суперструны» с планковскими⁶ размерами, оставив для будущего три пространственных и одно временное измерение.

– Вы немножко искажаете ретроспективу, Всеволод, – сказал Бодха с вежливым укором.

– Я не искажаю, я упрощаю, хотя истина при этом остаётся неискажённой: все «лишние» измерения нашего континуума скомпактифицировались.

– Ну, положим не все, есть другие гипотезы...

– Исфандияр, прошу вас, не начинайте дискуссию, – прервал физика Воеводин. – Как говорил Спиноза, нет такой истины, которую нельзя было бы исказить. Продолжайте, Всеволод.

– Я не знаю, по какой причине Знающие выбрали для экспансии нашу Мета вселенную. Могли бы занять одну из соседних, пустую по причине отсутствия там вещества. Могли бы создать искусственный Биг Бум с инфляционной фазой, которая также раздула бы гигантский пузырь пустого пространства.

– Может быть, это им не под силу? – хмыкнул Грыммов.

– Судя по применяющимся ими технологиям, они способны на многое, раз создали Ось Зла из ста одиннадцати звёзд, соединив их фермами, и гигантские антенны из «кристаллизованного» вакуума. На мой взгляд, они просто пошли более простым путём: наш метagalактический домен, который люди гордо называли Вселенной, уже готов к употреблению, его не надо создавать, надо только очистить его от материи, чем и пытаются заняться наши оппоненты. Налицо не гибкий конфликт интеллектов, увлечённых разными идеями, но способных на компромисс, перед нами конфликт жёстких базовых программ, в том числе логических, этических и психологических. Знающие-Дорогу живут иначе и мыслят иначе.

– Объясните, – потребовал Воеводин.

– Легко. Наша Вселенная рождена по дихотомическому закону «да – нет», который ассоциируется с психологически неразрешимым соотношением «добро – зло». Но во Вселенной Знающих возможна иная расстановка противоречий и согласий: да – может быть – допустимо – нет – категорически неприемлемо – расплывчато и так далее. Понимаете? Это ксенология, имеющая множество нюансов и оттенков. Рамки же нашей логики и ещё больше этики неприменимы к их деятельности и целеполаганию. Точно так же, как этика муравьиной кучи, неприменима к деятельности человека, за исключением одной моды –

---

⁴ Союз Объединённых Наций.

⁵ Порядка $1,6 \times 10$ в минус тридцать третьей степени сек.

⁶ Порядка $5,6 \times 10$ в минус сорок четвёртой степени см.

закона сохранения вида. Кстати, можно было бы поразмышлять и на эту тему: не есть ли деятельность Знающих реакцией на деятельность человека в будущем? Ведь уже сейчас можно утверждать, что мы несём в космос не идею толерантности и дружелюбия, а неприятие чужого мнения и агрессию. Вдруг Знающие *знают* будущее и решили сыграть на опережение?

Шапиро замолчал.

Присутствующие в кабинете начальника базы задумались. Не спешил прерывать молчание и Воеводин. Первым заговорил Грымов:

– Я не ксенопсихолог, но ваша концепция спорна.

– Очень спорна, – подтвердил Бодха кротко.

– Я и не спорю, что она спорна, – снисходительно улыбнулся физик. – Однако нам есть о чём подумать в этом аспекте. Вернёмся к хаосу. Поскольку Вселенная Знающих столкнулась с нашей, в этом месте – в трёх миллиардах световых лет от Млечного Пути – возникла Большая Дыра в пространстве, в которую засасывает поток галактик. Но ведь Вселенная Знающих наверняка имеет другой состав констант и законов! Уже есть свидетельства. Может быть, их пространство четырёхмерно, в том смысле что у них проявлены и стали протяжёнными четыре измерения, а не три, как у нас. Или, наоборот, развёрнуты другие, а длина-ширина-высота – свёрнуты в «суперструны»! Я даже допускаю, что и время у них многомерно, а не линейно, как у нас.

В кабинете снова стало тихо.

– Давайте вернёмся к Бомбе Хаоса, – предложил Грымов.

– Я как раз приблизился к теме. Возможно, Знающим не понадобилось выдумывать энергоначинку для Бомбы, тротилую, ядерную или какую-либо другую, они просто запаковали в брандер объём своего вакуума, который для нашего континуума является новым законом, отменяющим старые, свёртывающим наши измерения и развёртывающим дополнительные, присущие континууму Знающих.

Грымов с уважением окинул раскрасневшееся лицо физика восхищённым взглядом.

– Вы меня поражаете, Всеволод!

– Не только вас, – усмехнулся Бодха. – Меня тоже. Он очень креативно мыслит.

– Я понял, – очнулся от раздумий Воеводин. – Внутри БОХ – вакуум Вселенной Знающих, так сказать, сгусток их физических законов, и при его инициации начнётся стремительное расширение этих законов с нейтрализацией наших измерений и развёрткой чужих. Так?

– Неплохо сформулировано, генерал, – похвалил Воеводина Шапиро. – Я бы не сказал проще.

– А что происходит в Омеге Кентавра? Ось Зла тоже превратилась в инфляционный зародыш иной Вселенной?

– Нет, здесь реализовался другой сценарий. Знающие создали фазовый переход, снивелированный волной гравитации. Поле бозонов Хиггса тормозит расширение зоны перехода, поэтому скорость расширения пока маленькая – всего в десять раз больше скорости света. Другое дело, если в эту зону разрядить импульс тёмной энергии с большим градиентом, что и собирались сделать Знающие. Процесс изменится, волна рванёт с гиперболическим ускорением, и всем нам будет кирдык.

Присутствующие оживились, по их лицам пробежали улыбки, женщины обменялись шутливыми репликами, отразившими уровень их понимания ситуации или скорее непонимания, более сдержанные мужчины обменялись скептическими взглядами.

– Сути БОХ это не меняет, – подвёл Воеводин итог рассуждений физика. – Оба процесса разрушают материальные объекты и одинаково опасны.

– Неодинаково, – не согласился Бодха. – Взрыв бомбы способен вычистить сравнительно небольшой объём пространства, размером с Солнечную систему. Фазовый скачок в Омеге Кентавра затронет весь наш метagalактический домен.

– Согласен, – благосклонно кивнул Шапиро.

– Вообще этот процесс развития иномерной опухоли в Омеге Кентавра, – добавил Бодха, – я бы назвал вбросом энтропии. Потому что после его завершения энтропия в нашем домене достигнет максимума. Да и Бомбу Хаоса можно было бы назвать Бомбой Энтропии.

– Рост энтропии – лишь одно из следствий глобального процесса фазовой перестройки вакуума, – возразил Шапиро. – Хаос – более подходящее название.

– Но смена физических законов ещё более мощное явление...

– Господа, прошу вас, – поднял ладонь Воеводин, – мы не на диспуте. Меня больше волнуют конкретные практические проблемы, а не теоретические. Пока мы не отправили брандер Знающих с БОХ на борту в район назначения, система Кеплера будет находиться на грани исчезновения. Не пора ли начать эвакуацию всех институтов на планетах трёх звёзд?

Физики переглянулись.

– Не мне решать, – деликатно признался Шапиро. – Но я бы подождал весточки от «Ра».

– Я тоже, – присоединился к нему Бодха. – Хотя интересно было бы посмотреть, что произойдёт со звёздами системы.

– Звезда «пылевиков» погасла. Вернее – исчезла. Точно в соответствии с нашими расчётами. Можно будет посчитать, что произойдёт со звёздами Кеплера и их планетами. Но ещё более интересен процесс взаимодействия БОХ с чёрной дырой. Вы не считали?

– Кое-какие идеи у меня есть.

– Господа, – озабоченно сказал Воеводин, переводя недоверчивый взгляд с одного на другого, – вы в самом деле не понимаете, что мы не проводим мысленный эксперимент, а участвуем в обсуждении реальной опасности?

– Мы это понимаем, – виновато сморщился Бодха. – Если нам удастся точно предсказать последствия процессов, происходящих при взрыве Бомбы Хаоса, это поможет и вам принять необходимые контрмеры.

– Совершенно с вами согласен, дружище, – объявил Шапиро. – Возможно, мы найдём способ остановить развитие фазового перехода.

– Но я в это не верю. – Бодха разогнал улыбкой морщины по лицу. – Не существует инструмента, способного измерить то, что лежит за пределами нашей физики. А Знающие живут именно там, в другой Вселенной с другим набором законов, принципиально не доступной нашему контролю. Мы можем говорить лишь о вероятностных характеристиках *той* материи, не имея возможности проверить свои теории.

– Ну почему же? – возразил Шапиро. – Уже существуют теоретические расчёты коллег по «кристаллизации» вакуума, основанные на принципах фазовых зеркал, так что в скором времени мы тоже научимся выращивать «из ничего» материалы с необычными свойствами. Объекты из таких материалов могут стать устойчивыми и во Вселенной Знающих.

– И всё-таки на мой взгляд...

– Благодарю, джентльмены, – хлопнул ладонью по столу Воеводин. – Я вас понял, работайте, от вас действительно многое зависит. Поговорим о других не менее важных вещах. Поскольку «Ра» находится в рейде, мы не можем направить его к Омеге Кентавра. Нужен независимый спейсер, старт которого нельзя будет отследить. Кроме того, нужны эксперты для оценки состояния скопления Омега Кентавра.

– Что касается экспертов, – небрежно бросил Шапиро, – то они перед вами. Вы не возражаете против экспедиции к Омеге, коллега?

Бодха флегматично пожевал губами.

– Если мои более чем скромные возможности окажутся востребованными, я готов.

– Благодарю за предложение, – сказал Воеводин. – Ваше участие в экспедиции очень важно для нас. Не придётся искать новых экспертов с риском напороться на агентов Знающих.

Нам позарез необходимо знать, какие процессы происходят не так уж и далеко от Земли. Иван, флот в твоём ведении.

– С флотом напряжёнка, – признался Грымов. – В нашем распоряжении семнадцать машин разного класса, но лишь две из них – фрегат «Варяг» и корвет «Либеро» – способны выйти за пределы Галактики. Но их контролирует не только Гицгер, но и федералы, а также Комбез. Без их санкции старт кораблей за пределы Солнечной системы невозможен.

– Подтверждаю, – кивнула Ани Санта, смуглолицая, полногрудая бразильянка, типичная представительница своего народа.

– Со стапелей Владивостокской космостроительной компании через месяц должен сойти линкор «Викрамадитья». Ему предстоит ходовые испытания. В качестве таковых можно предложить поход к Омеге.

– Но об этом не должно знать ни одно официальное лицо. Мы не ведаем, кто из функционеров Комбеза или СОН является резидентом Знающих.

– Можно попытаться разработать позицию Комбеза, – предложила бразильянка. – Никто не придерётся.

– Отлично, Ани, займитесь этим. Далее, связь с МККЗ. Ярослава, у вас есть что-нибудь? Командор Погранслужбы посмотрела на Леблана.

– К сожалению, я оказалась пешкой в игре Комиссии, причём непроходной, не так ли, Люсьен?

Леблан с той же виноватой полуулыбкой развёл руками.

– В принципе, я почти в таком же положении, командор. Та структура Комиссии, с какой я контактировал, исчезла, оставив лишь канал для связи, который до сих пор не работает. Да, я кое-что выяснил о жизни цивилизаций Кольца, осевших вокруг чёрной дыры в центральном балдже Галактики, но это не даёт мне никаких преимуществ.

Физики оживились.

– Хотелось бы услышать ваши комментарии, – сказал Бодха, взглядом согласовав свой вопрос с Шапиро.

– Генерал? – повернулся к Воеводину француз.

– Да, пожалуй, это может иметь практический выход, – кивнул Воеводин. – Только покороче, Люсьен, общие положения, так сказать, подробности я попрошу вас сбросить мне на почту.

– Сначала о Знающих. Мнение моих работодателей из Комиссии: Вселенная Знающих-Дорогу представляет собой Гиперсистему катастроф. Что это означает, я не совсем понимаю, но полагаю, что цивилизация Знающих переживает системный познавательный кризис. Ключевой фактор стабилизации, по мнению ксенопсихологов, применимый для всех типов цивилизаций, – приоритет духовности над прагматичностью и меркантильностью, – у них отсутствует.

– Ну, то же самое или почти то же самое я могу сказать о нашей цивилизации, – пренебрежительно сказал Шапиро. – Человечество в массе своей подошло к пределу стохастического духовного дрейфа, никого ничто не интересует, кроме наживы и безудержного потребления по формуле «бери от жизни всё и сейчас». Мне казалось, логика Знающих глубже этой парадигмы. Их жизнь не опирается на категории пространства и времени и подчиняется иным логико-этическим системам, сбалансированным другими законами физики. Наш разум не способен воспринять и осмыслить эти законы.

– Вообще-то я примерно такого же мнения, – вставил слово Бодха. – Считаю что человечество характеризует собой не разум, а предразум. В силу неадекватности нашей научной методологии и неспособности задавать правильные вопросы мы фундаментально ограничены в познавательной функции.

– Давайте всё-таки не будем отвлекаться, – с досадой сказал Воеводин. – Я понимаю, у каждого из вас своя точка зрения на способности человека, однако у нас нет времени на обсуждение всех вариантов темы. Значит, ваши коллеги из Комиссии считают, что Знающие – в кризисном состоянии?

– Совершенно верно, – подтвердил Леблан. – Хотя здесь есть нюансы. Из всех моих бесед с коллегами я сделал вывод, что и Великое Кольцо цивилизаций находится в кризисе, и не все они подчиняются решениям МККЗ, как иногда не подчиняются наши правительства решениям Комитета безопасности, – Люсьен кинул взгляд на Ани, – и комиссиям СОН.

– Подтверждаю, – грустно отозвалась женщина.

– Возможно, именно в результате несогласия с политикой друг друга цивилизации Кольца не хотят контактировать с нами напрямую даже при наличии колоссальной угрозы существования жизни в Галактике. Человечество намного больше ограничено в средствах, чем члены Кольца, но при этом они стараются не вкладывать *свои* средства и тратить ресурсы на борьбу с Вирусом.

– Пакостники, – проворчал Шапиро.

Воеводин поймал взгляд Грымова и понял, что заместитель применил бы другое слово для оценки деятельности «высших» цивилизаций.

– Тем не менее нам абсолютно необходимо наладить с ними контакт! Иначе, боюсь, мы одни не справимся с экспансией Знающих. Мы уже сейчас висим на волоске, имея готовую взорваться в любой момент бомбу.

– Но она же на Кеплере? – заикнулась Ани.

– А кто сказал, что Бомба Хаоса – одна? Вы уверены, мон ами, что Знающие не подстраховались и не подготовили второй экземпляр для Солнечной системы? Не потому ли они притихли, проиграв схватку на Кеплере, что готовят очередной брандер с БОХ? Какую стратегию ни выбери, долго нам не продержаться, конец один.

Помолчали, размышляя.

Шапиро тряхнул шевелюрой.

– Вы чересчур пессимистичны, Степан Фомич. Смогли же мы дать агрессору по зубам, причём дважды? Приостановили вторжение? И ещё раз сможем, даже если нас не поддержит коалиция разумников в ядре Галактики. Хотя я бы послал-таки туда экспедицию с целью установить прямой контакт. А мсье Леблан как бывший агент МККЗ возглавил бы её.

Головы присутствующих повернулись к начальнику отдела космоконтроля ФАК.

– Как прикажете, – вежливо ответил француз. – С главой агентства я не в приятельских отношениях, однако смогу доказать необходимость участия в такой экспедиции.

– В таком случае решение принято. Будем настаивать на железной необходимости посылы спейсера в ядро во всех инстанциях, начиная с ФАК, Комкона и кончая Комбезом и СОН. Иван, твоё мнение насчёт посылы?

– Нужны как минимум два корабля, – после недолгой паузы сказал Грымов. – Как раз наши машины и сгодятся для похода – «Грозный» и «Непобедимый». А «Викрамадитью» направим в Омегу. Если только... – Он замолчал.

– Что? – поинтересовался Воеводин, не дождавшись продолжения.

– Если только нам не помешают агенты Вируса.

– Значит, надо усилить режим секретности.

– Мы и так стоим «на ушах». – Грымов имел в виду императив максимальной формы тревоги. – Нам бы побыстрее выяснить, кто резидент...

– Это должна быть крупная и самостоятельная фигура, – заметила Ярослава. – Имеющая доступ к ресурсам если и не всего человечества, то мощного государства.

– Председатель СОН? – предположила Ани Санта.

– Не обязательно, председатель – слишком заметен, ему трудно скрыть свои приоритеты и цели. Резидентом должен быть чиновник масштаба президента или премьера, в крайнем случае – должностное лицо, имеющее доступ к секретам силовых структур. – Ярослава подумала. – Кстати, Ани, вы вполне могли бы определить кандидатуры в резиденты, при первом же заседании Комитета безопасности.

– Как вы себе это представляете? – озадачилась бразильянка.

– У нас появилась аппаратура, способная оценивать поступки и действия людей, – подсказал Грымов.

– «Эол», – добавила Ярослава. – По репликам человека и его поведению можно понять, лжёт он или нет, есть у него «двойное дно» или нет. Читать мысли «Эол» не умеет, тем более что существует защита от мыслепрослушки – «вшинники», но прецеденты позитивного использования системы были.

– Руслан Горюнов, – улыбнулся Грымов.

– Мой муж, – кивнула Ярослава.

– Я попробую, – согласилась секретарь Комбеза.

– Получается, что необходимо запустить две экспедиции одновременно, – сказал задумчиво Шапиро, – в Омегу и в ядро.

– Почему это вас смущает? – мягко спросил Бодха.

– В Омеге я уже был... а вот в ядре Галактики... м-да... хотелось бы посмотреть на это чудо вблизи. Кстати, Люсьен, ваши... гм, работодатели из Комиссии – что за существа? Биологическая форма жизни, из плоти и крови, кристаллическая, полевая?

Леблан нерешительно посмотрел на Воеводина. Тот в свою очередь посмотрел на него с любопытством.

– Действительно, мсье Леблан, вы ведь нам этого не рассказывали. Всем интересно, с кем придётся иметь дело в ядре.

– Вы не поверите, – сморщился француз, – я не знаю. Могу только с большей или меньшей степенью вероятности утверждать, что я контактировал с небиологической формой жизни. Это не «пылевика», известные нам после атаки на них Вируса, и не «живые математические формулы» Орилоуха, мои информаторы принадлежат к одной из разновидностей полевой формы, но как она выражена и реализована, я и в самом деле не имею представления. Зато знаю, что цивилизации Кольца разные, среди них есть и биологические формы жизни, и кристаллические, и плазменные, и какие-то другие, хотя оценить их мне не под силу, по образованию я не ксенолог, не ксеноисторик и не физик, я филолог. Был бы жив Хасим Хасид, он рассказал бы больше, так как его ранг был выше моего.

– Хасима жаль, – погрустнул Грымов. – Удачно парень маскировался под турецкого отморозка. Нам таких агентов будет не хватать.

– Намного наши представления о формах космического разума отличаются от реального воплощения? – жадно спросил Шапиро.

– Что вы имеете в виду? – не понял его Леблан.

– Ещё в двадцать первом веке мечтающие о встречах с внеземным разумом разработали таблицу предполагаемых видов инопланетян в соответствии с их поведением. Об этом была написана гора повестей и романов. Считалось, что мы можем встретиться с дружелюбными существами типа «маленький пушистик» Бима Пайпера, с иммигрантами, маскирующимися под людей, с паразитами, откладывающими личинки в тела людей, достаточно вспомнить старый как сама история фильм «Чужой», с убийцами типа «хищник» из одноимённого фильма, с тайными агентами и завоевателями. Тогда это были предположения, основанные на чисто обывательской психологии, но теперь-то мы можем оценить справедливость предсказаний?

– Я вас понял. Конечно, лично мне не приходилось встречаться с кем-либо из агентов МККЗ физически. Они внедряются в тела людей точно так же, как паразиты, разве что с бла-

гими намерениями. Но из тех же бесед с моим «наездником» я сделал вывод, что в Кольце встречаются разные формы разума, в том числе на биологической основе, но основная масса цивилизаций ядра – а всего их не меньше тысячи – представляет собой небиологические конфигурации.

– Понятно почему, – сказал Бодха. – Уровень излучений в ядре Галактики плюс мощная гравитация массивных звёзд не дают возможности развиваться биохимическим существам.

– Это второстепенная причина малого числа биоцивилизаций, основная же – эти цивилизации похоронены на кладбище собственных ошибок.

– Войны? – прищурился Грымов.

– Как правило – агрессивное уничтожение природы, фатальное загрязнение экологической среды, к чему склонны и мы, люди, и опасные эксперименты, моровые болезни, войны. Существа полевых форм более устойчивы к социальной разбалансированности. Да они и не поддерживают стадию социального разделения либо объединения.

– Значит, полевые разумники не агрессивны? – спросил Шапиро.

– Скажем так – не агрессивны, но достаточно равнодушны. Полевые формы тоже неодинаковы по отношению к миру и друг другу. Среди них есть как «Белые» цивилизации, выполняющие все правила галактического общежития, так и «Серые», и «Чёрные».

– Ну, «Чёрные» – понятно, носители Зла в нашем понимании, а «Серые»?

– Это те, что считают себя вправе не выполнять два-три общих правила. К примеру, развитая цивилизация не имеет права применять карательные меры к представителям более слабых цивилизаций, но «Серые» легко переступают через этот закон. Или в Кольце запрещается использовать голографический камуфляж и обман, но некоторые члены Кольца нарушают и этот пункт Галактической Хартии.

– «Чёрные» вообще не выполняют правил?

– Они признают только право сильного.

– А ваши работодатели встречались с ними?

– Неоднократно.

– Можете привести пример?

– Стоп! – сказал Воеводин, прерывая Шапиро, посмотрел на Леблана. – Мсье Леблан, я сведу вас с нашими экспертами в области ксенологии. Ваши воспоминания могут дать толчок полезным практикам.

– Расскажу всё, что знаю.

– И последнее, судари и сударыни. Поскольку противостояние с Вирусом продолжается, а угроза возрастает день ото дня, мы переходим на императив «изолятор».

– Вся контрразведка? – уточнила Ани Санта.

– Подразделение «Сокол», – качнул головой Воеводин.

Глава 2

Скрытая угроза

Сознание прояснилось, и Руслан вспомнил, кто он есть и где находится.

«Ра» стартовал с базы «Сокол-14» на Нереиде, спутнике Нептуна, в режиме «инкогнито» и не стал ломиться через пространство Солнечной системы к её границам шпугом⁷. Он сразу нырнул в «суперструну», рассчитанную Клиффордом, инком корабля, и вышел из неё в семидесяти пяти тысячах световых лет от центра Галактики, в так называемом Кольце Единорога.

Кольцо было открыто ещё в начале двадцать первого века, и оно оказалось частью Млечного Пути, диаметр которого из-за этого вырос со ста тысяч световых лет, как считалось раньше, до ста пятидесяти тысяч. Его структура походила на расходящиеся по воде круги от брошенного камня, то есть по сути – волны, вершины которых совпадали с местоположением спиральных рукавов Галактики. Предполагалось, что эта волновая структура порождена столкновением Млечного Пути с карликовой галактикой в достопамятные времена. Но потом появились новые данные о волнах, и учёные сделали вывод, что они – следствие сгущений тёмной материи.

Впрочем, экипаж «Ра» не заморочивался в попытках объяснить причины возникновения Кольца Единорога, он просто больше часа любовался им и ещё больше – всей гигантской звёздной системой, домом человечества и тысяч цивилизаций, его населявших. Картина была феерическая: лохматая, многорукавная, грандиозная, звёздная спираль, изумительно совершенная, гармоничная, живая, горела под космолётом ослепительно-ярко, и даже равнодушный к проявлению человеческих чувств Веласкес (Ярослава настояла, чтобы витс⁸ полетел с Русланом) потратил какое-то время на созерцание Млечного Пути, ответив на вопрос драйвер-секунды Славы Терёшина «что он чувствует»? – с оттенком удивления:

– Никогда не думал, что инконгруэнтная фрактальность системы может быть такой безупречной.

Сражённый ответом Терёшин не нашёлся что ответить.

Зато экипаж корабля, состоявший всего из шести человек, включая капитана Рудольфа Маккену, долго искрил шутками в адрес пилота, хотевшего всего лишь пошутить над витсом в присутствии Вероники Солнышко, оператора технических и защитных систем «Ра».

– Как самочувствие? – напомнил о себе компьютер корабля, исполнявший также и обязанности эскулапа.

– Отличное! – ответил Руслан, привычно включаясь в общую сеть связи и контроля спейсера.

Переключка заняла несколько секунд.

Во время прыжков экипаж находился в своих кокон-креслах, а пассажиры – команда Руслана численностью также в четыре человека – в специальных боксах, и автоматика корабля, опекавшая живой груз, контролировала его состояние непрерывно, отвечая на любой звуковой или мысленный запрос.

– Кофу! – прилетел голос Маккены, что означало: «контроль функционирования».

Экипаж занялся проверкой систем корабля.

Руслан выслушал ответы подчинённых, доложил в рубку управления о полном порядке во вверенном коллективе, включил внешний обзор.

---

⁷ Шпуг – режим двойного ускорения.

⁸ Витс – высокоинтеллектуальная техническая система.

Вокруг космолёта царила тьма, пронизанная далёкими светлячками – не звёзд – галактик! – образующими паутинки галактических скоплений, складывающихся в ажурную сетчато-волокнистую структуру Вселенной. Справа и чуть снизу по вектору фронтальной видимости светили скопления галактик в Парусах, слева – чуть ярче фона – виднелась сеточка галактик в созвездии Кентавра, если смотреть на них не с Земли, а с точки, удалённой от Солнечной системы на расстояние в три миллиарда световых лет.

«Ра» вышел точно в указанном районе пространства между созвездиями Парусов и Кентавра. До устья Большой Дыры, проделанной «углом» Вселенной Знающих-Дорогу в родной Метагалактике, оставалось чуть менее тысячи световых лет, примерно как от Солнца до одной из звёзд местного галактического рукава. Именно в эту точку устремлялся «наконечник» струи галактик в количестве больше сотни, образуя «тёмный поток». Почему земные астрономы назвали эту струю «тёмным потоком», можно было только догадываться. На самом деле галактики светили вовсю, представляя собой сгустки звёзд и светящейся пыли, а несло их к Большой Дыре тяжёлое дыхание *чужого* мира, вернее, не дыхание – чудовищный «вдох», порождённый процессом всасывания известного континуума в «яму» неизвестного.

– Цель, – попросил Руслан.

Картина космоса перед глазами изменилась.

Проявились звёздные волокна в направлении на чёрное пятно в окружении крупных красных звёзд. Пятно напоминало зев пещеры, и веяло от него угрюмой воинственностью и угрозой. Неизвестно, как себя чувствовали космолётчики, всё-таки «Ра» не первый раз подходил к Большой Дыре, но Руслан почувствовал, как желудок судорожно сжимается, реагируя на присутствие в данной области пространства неведомой «чёрной силы».

Послышались голоса космолётчиков, Терёшина:

– Могила, однако!

Вильгельма Иванова:

– Как говорил Шапиро – векторная деформация вакуумного поля.

Смешок Терёшина:

– Не засосало бы в дырку!

Голос Иванова:

– А может, нас там ждут с распростёртыми объятиями.

Ответ Артура Воеводина, сына главы «Сокола»:

– Готов поспорить, что ждут, но не как друзей.

– Это и к бабке ходить не надо, – засмеялся Терёшин.

– Клиф, где мы? – голос Вероники Солнышко.

– Приблизительно в тысяче эсве⁹ от входа в Дыру, – сообщил инк.

– Почему мы не видим Паруса?

– Они ещё далеко, да и построены всего лишь год назад, свет от них не успел дойти до этого района.

Речь шла о паутинчатом объекте, построенном, а вернее – выращенном, из «кристаллизованного» вакуума Знающими-Дорогу, который люди называли Парусами (не в последнюю очередь из-за того, что созвездие на границе этого участка космоса называлось созвездием Парусов) и который на самом деле представлял собой колоссальной протяжённости антенну для «сброса иномерности». Издали эта антенна действительно напоминала сrostок ажурных парусов на земных яхтах.

– Что-то здесь слишком тихо, – обронил Терёшин.

– Нас ещё не заметили, – уверенно заявил Воеводин. – Охрана ждёт нас непосредственно у Парусов.

---

⁹ Эсве – световой год (жаргон космолётчиков).

- Да, но в прошлый раз она преследовала нас на гораздо большем расстоянии.
- Потому что они следили за нами с помощью датчиков, определявших остаточную «иномерную радиоактивность» корпуса «Ра». Дома мы от неё избавились.
- Нам тоже не помешали бы такие датчики, – с сожалением проговорила Вероника. – Не представляю, каким образом можно отслеживать объекты на расстоянии в миллионы эсве.
- Командир, дальше не пойдём? – спросил Иванов подчёркнуто равнодушным тоном. Маккена молчал, думал.
- Вообще-то надо подойти поближе, – вырвалось у Руслана. Раздались смешки.
- Вы случайно не родственник Шапиро? – весело спросил Терёшин.
- Нет, – озадачился Руслан.
- Он тоже постоянно призывал нас подойти ближе в прошлом походе, – пояснил Иванов.
- Согласен с вами, – сказал наконец Маккена. – Брандер с Бомбой надо не просто направить в Дыру, надо проконтролировать его хождение. С расстояния в тысячу эсве мы сделать это не сможем. Вопрос всем: отдых нужен?
- Нет! – дружно ответили космолётчики и пассажиры.
- В таком случае идём дальше. Клиф, овернайт длиной в девятьсот девяносто девять эсве! Выход в режиме ЧП!
- Принято, – ответил инк.
- «Ра» превратился в «суперструну»...

* * *

Картина космоса вблизи гигантского чёрного провала в звёздной метели впечатляла. Паруса!

Перед носом корабля раскинулись светящиеся, ажурные, изумительно красивые паруса, скользящие в темноту.

Кое-где эти паруса опирались на корпуса старинных шхун – уплотнения паутиных ядер, и тогда вовсе начинало казаться, что космолётчики видят бескрайнее чёрное море и сотни парусных кораблей, плывущих в бесконечность...

Никуда «корабли под парусами», конечно, не плыли, стояли на месте, а их иллюзорное движение создавалось ходом самого корабля, приближавшегося к ним со скоростью, почти равной половине световой. «Ра» находился в режиме «инкогнито», и пока что это обстоятельство оберегало космолёт от радаров и наблюдательных систем охранного комплекса Антенны. Но массу космолёта невозможно было спрятать под колпак невидимости, и рано или поздно его путь должны были отследить.

Руслан подавил в себе желание выразить восхищение картиной «входа в Ад», где обитали Знающие. Ему доверили командование спецгруппой, и он теперь должен был блюсти реноме командира, не отвлекающегося на сантименты. Тем более что в группе была женщина – Марианна Вележева, специалист по стринг-технологиям инновационного центра «Сколково». Она прекрасно справилась со своим заданием на Суперструннике, и Руслан настоял на том, чтобы Марианну включили в группу как специалиста по системам «суперструнных» генераторов – «сусликов», на жаргоне астронавтов, так как им всем предстояло проверить стояние брандера с Бомбой Хаоса и сбросить его в Большую Дыру.

Наличествовал в команде и физик, Майкл Шеридан, коллега Шапиро, которого Всеволод и порекомендовал в качестве эксперта для экспедиции. Но он пока помалкивал, держа связь с Клиффордом.

– Клиф, депешу на базу! – послышался голос Маккены. – Мы почти у цели, ждём реакции охраны, и если её не последует, сделаем последний прыжок к Дыре, активируем «суслик» и будем ждать прибытие брандера.

– Депеша послана, – отозвался инк.

– Картинку Парусов на фронт.

Картина космоса перед глазами всех пассажиров космолёта снова изменилась.

Внутри чёрного пятна, окольцованного крупными красными звёздами (Руслан знал, что все они соединены фермами из «кристаллического» вакуума, что приводило душу в трепет), вдруг сверкнуло лилово-голубое пламя разряда, мгновенно обезавшее острые концы Парусов.

«Ра» содрогнулся.

На миг Руслан почувствовал дурноту, во рту стало кисло.

– Клиф, максимальная защита! – отреагировал Маккена. – Всем режим «раз»!

Речь шла о подсоединении членов экипажа к инку и включении особого алгоритма «один-на-один», позволявшего реагировать на изменение обстановки почти со скоростью компьютера.

Команда эта не касалась Руслана и членов его группы, и он промолчал, хотя сам был бы не прочь напрямую управлять Клиффордом.

– Что это? – робко спросила Марианна Вележева; сеть интеркома была включена, и её слышала вся группа.

Руслан в общем-то не знал, в чём дело, почему организм прореагировал на «молнию», соединившую Паруса, так негативно, однако из чувства ложной гордости ответил веско:

– Эффект мерцания вакуума.

– Но ведь Паруса разделяют огромные расстояния – десятки миллионов километров!

– Ну и что?

– Свет же не может распространяться так быстро, чтобы мы увидели их соединёнными одновременно!

– Молодец, Марианна! – заметил Веласкес. – Я тоже об этом подумал.

– Майкл? – вызвал эксперта Руслан. – Что скажете? Почему мы видим Паруса, простреленные молнией, в течение секунды?

– Вы правы, это и в самом деле эффект мерцания вакуума, вызванный взаимодействием континуумов, – ответил Шеридан, – местного космоса и космоса в Дыре. Отзвук быстро затухающего фазового перехода. Он объединяет объекты на любых расстояниях, а мы видим уже их реакцию – нечто вроде коронного разряда.

– Слышала, Мари?

– Да, спасибо, поняла... но очень неприятно...

– Не вам одной.

– Не попробовать ли нам зайти с тыла Парусов? – послышался голос Терёшина; переговоры пассажиров команда спейсера не слышала.

– Зачем? – не понял его Артур Воеводин.

– Проверить, насколько глубоко мы можем сопровождать брандер.

– Вот и проверим защиту.

– Смелый ты! – восхитился Иванов. – Ну прямо как рефери на ринге!

Послышались смешки.

Экипаж «Ра» давно привык к словесным эскападам молодых парней, желавших завоевать если не сердце, то хотя бы внимание Вероники, и реагировал на них легко.

– Горюнов, готовьте «суслик» к десантированию, – объявил Маккена.

Руслан встрепенулся, скомандовал:

– Группе собраться в трюме.

С тихим свистом опали слои мягчайшей изоляции, освобождая компенсационный костюм космолётчика, по давней традиции называемый «кокосом». Руслан выбрался из ложемента каюты-бокса, мысленно указал маршрут следования, и корабельный «лошак», как опять же по традиции называли транспортную систему корабля, за несколько секунд опустил его в недра космолёта, в грузовой трюм-терминал.

Собрались все дисциплинированно и быстро, что указывало на общее нетерпение и готовность поскорее включиться в работу: двое мужчин разного возраста, витс и женщина – Марианна.

– Мы у цели, – сказал Руслан, чувствуя душевный подъём. – От нашей слаженности зависит многое. Основная работа начнётся, когда прибудет посылка, но я хочу услышать каждого из вас: мы справимся?

– У нас нет другого выхода, – флегматично заметил Веласкес.

Марианна рассмеялась. Она не сомневалась в своих силах и не верила в неудачу.

– Специалисты – контроль функционирования модуля. Остальные – внешний осмотр, моделирование нештатных ситуаций, проверка резерва.

Специалисты – Марианна Вележева и Майкл Шеридан – взялись за расконсервацию «суслика» и его активирование, развернули консоли с аппаратурой.

Веласкес, олицетворявший гаранта безопасности команды, двинулся вокруг сложной, десятиметровой длины «ракушки» слим-генератора, к которому прилипло жаргонное словечко «суслик». В принципе, он мог бы этого не делать, внешний осмотр генератора, создающего финиш-объём для получения «посылки» – брандера с Бомбой Хаоса, ничего выявить не мог, однако нештатный сотрудник контрразведки и не подумал отказаться или хотя бы спросить у командира группы, стоит ли заниматься осмотром.

Бывший помощник Ярославы был воссоздан заново после боя с агентами Вируса в её доме. Тело витса практически превратилось в грудку псевдокостей и металлических сочленений, но мозг Веласкеса – квантовый компьютер, защищённый бронекapsулой и занимающий место позвоночника и желудка, уцелел, что позволило специалистам технических служб «Сокола» вырастить ему новое тело.

– Командир, – сказал он бесстрастно, разглядывая сложную механику трюма, в котором стояли два десятка разного класса летательных аппаратов, – вы уверены, что у нас есть шансы запустить брандер в Дыру?

Руслан озадаченно сложил руки за спиной; такой «чисто человеческий» вопрос от витса он не ждал.

– Почему ты спрашиваешь? Сам только что сказал: у нас нет другого выхода.

– Нас туда не пропустят. Как только мы вылупимся из-под защитного поля, на нас кинутся все местные сторожевые собаки. А их тут не одна сотня, мы не справимся.

– У нас лучший экипаж космофлота...

– Никакой экипаж не в состоянии обеспечить победу даже не над превосходящими в тысячу раз силами противника – над физикой!

– Мы прекрасно защищены...

– Но не от фазовых переходов вакуума и скачков мерности. Только что мы были свидетелями процесса, соединившего концы Антенны и породившего судорогу пространства, что повлияло и на корабль. А ведь это всего лишь слабенькое эхо настройки Антенны! Что будет, если её включают?

Руслан задумался, наблюдая за вознёй подчинённых.

– Не включают... они будут ждать сообщения о готовности Антенны в стенке Крестовского. К тому же судороги пространства влияют на все объекты внутри контактного объёма, не только на спейсер, но и на корабли охраны. Поэтому вряд ли хозяева Парусов осмелятся включить Антенны, рискуя потерять весь свой флот.

– Их логика нам недоступна. Но, допустим, глобально изменять параметры местного вакуума они не станут, всё равно против нас выйдет в поле биться целая рать, а «Ра» – один.

Руслан улыбнулся образному сравнению витса, не раз приводившего в удивление окружающих своими «неожиданно человеческими» оценками.

– И один бывает в поле воин. Хорошо, я тебя понял. Может быть, подскажешь, что нам делать?

Веласкес помолчал.

– Перехитрить...

– Как?

– Оставить «суслик» в пространстве в режиме «инкогнито»... вместе с командой... корабль отвести подальше, на десяток-другой миллионов километров, чтобы охрана Парусов отреагировала на маневры корабля... а команда направит брандер с Бомбой в Дыру.

Руслан с интересом присмотрелся к гладкому спокойному лицу витса, никогда не отражавшему никаких эмоций.

– Но ведь для тех, кто останется на брандере... это почти верная гибель!

– Могу остаться один я.

Руслан ещё раз оглядел лицо Веласкеса, замкнутое на замок невозмутимости.

– Спасибо за предложение, дружище. Надеюсь, что нам не придётся жертвовать жизнью.

– Моя жизнь весьма отличается от вашей, – усмехнулся искусственный человек. – Порог инстинкта самосохранения у витсов ниже порога срабатывания законов робототехники.

– Всё равно это – жизнь!

Веласкес помедлил, кивнул.

– Я в полном вашем распоряжении, босс.

Подожёл Шеридан.

– Всё в порядке, командир, мне велели не путаться под ногами.

Руслан засмеялся.

– Я поэтому к «суслику» и не подхожу, чтобы не получить такой же совет.

Контроль функционирования слиммодулятора длился около сорока минут. Управлял его работой бортовой компьютер, не снабжённый личностными характеристиками, в отличие от высокоинтеллектуальной «мыслящей» техники, и отзывался он на простые мыслекоманды: «включить», «заглушить», «развернуть» и так далее.

Внештатных ситуаций не придумал никто. Все идеи подчинённых сводились к отказу какой-либо системы модулятора, и его работоспособность зависела лишь от наличия данной системы в резерве. Починить сломанный агрегат вне заводских условий было невозможно, надежда была лишь на 3D-принтер или на репликатор, если только они в состоянии были создать нужную деталь по информационным копиям этих деталей.

– Рудольф, «суслик» готов к эксплуатации, – бодро доложил Руслан командиру космолёта.

– Займите полётные камеры, – сухо отозвался Маккена. – Приступаем к маневрированию.

Руслан насторожился.

– Что происходит?

– Нас заметили.

Руслан выдохнул сквозь стиснутые зубы, ловя на себе взгляды членов группы, и сделал понятный всем жест.

– По местам!

Глава 3

Бох

Грымов собирался поутру встать на лыжи и сделать пятикилометровую пробежку – жил он с семьёй на Шпицбергене, где даже летом лежал снег, – когда в ухе проклюнулся синапс постоянно включённого менара¹⁰.

«Полковник, важное сообщение».

«Минуто», – отозвался Иван, с сожалением расставаясь с надеждой посвятить эту субботу отдыху. Снял лыжи, вышел из бокса со спортивным инвентарём на дорожку, протоптанную в снегу: жена Татьяна каталась на лыжах постоянно, – вошёл в дом, построенный в русском теремном стиле. Снаружи дом и в самом деле представлял собой терем (дом достался Ивану от прадеда из старинного рода русских поморов), но внутри выглядел вполне современным, высокотехнологичным, и обслуживался автоматикой так же, как и другие жилищные модули, получившие статус «живых комплексов», наполненных призрачной техножизнью.

Четырёхкомнатный коттедж был пуст. Жена ещё не вернулась с работы, она дежурила в поликлинике в Калининграде, дочь Вера училась и жила в пансионате в Новосибирске и дома появлялась редко, предпочитая жить не с родителями, а с бабушкой.

Иван прошествовал в кабинет, сел за стол.

– Слушаю вас.

– Подключаю даль-связь. – Дежурный инк системы «спрута» – экстренного оповещения контрразведчиков «Сокола» – умолк. Вместо него через пару секунд на всеземном сленге торопливо заговорил «настоящий» человек:

– Тройной Кеплер, база ФП «Лебедь», служба мониторинга, дежурный капрал Джой Бэзил Робертс.

Трикстер, равнодушно подумал Иван, оценив тон дежурного, его манеру грассировать и сочетание имени Джой (женская составляющая) и Бэзил (мужская). «Промежуточный» род человека давно перестал быть притчей во языцех для нормальных землян, а трикстеры нередко проявляли недюжинные способности и работали во всех сферах социума.

– Что у вас?

– Замечено изменение формы объекта ZS.

Мысли свернули в другое русло. «Объектом ZS» называли брандер Знающих с Бомбой Хаоса на борту, и находился он на одной из планет двойной звезды в созвездии Лебеда, охраняемый сотрудниками Службы безопасности и пограничниками.

– Конкретнее.

– Его хвост и нос оплыли... а на спине выросли шипы...

Грымов представил тушу брандера длиной около трёх километров, напоминавшую издали помесь черепахи и крокодила. Иногда брандер так и называли – «кроха», объединяя два слова.

– Когда это произошло?

– Полчаса назад... точнее, мы заметили полчаса назад. Смена исследователей объекта ушла с него в соответствии с графиком работ, следующая приступит к работе через шесть часов, ночью там никто не работает. И ещё...

– Да?

– Нам запретили докладывать вам... я связался с контрразведкой по личной консорт-линии... нарушая запрет... мне дали ваш пин...

---

¹⁰ Рация мыслесвязи.

Грымов напрягся.

– Кто дал?

– Он назвался Заверином Веласкесом, капитаном внешнего космоотряда ФПС, он работал в команде Ярославы Тихоновой...

– Спасибо, капрал. Кто запретил вам звонить в контрразведку?

– Директор полигона на втором Кеплере, Ван дер Ваальд.

Грымов вспомнил могучего здоровяка-бельгийца, щеголявшего шкиперской седоватой бородкой.

– Понял, никому ни слова, что позвонили мне, наблюдайте, записывайте происходящее, готовьтесь к режиму ЧП.

«Принято».

Грымов посидел в кресле, собирая в кулак остатки воли (отдых явно откладывался на неопределённое время), с трудом заставил себя сосредоточиться на проблеме и вызвал Воеводина:

– Степан Фомич, на Кеплере нештатная ситуация...

– Мне только что доложили, – ворчливо ответил руководитель «Сокола».

– Кто, если не секрет?

– Двойник Веласкеса, командир группы защиты, работал с Тихоновой.

– Мне позвонил некто Джой Робертс.

– Не знаю такого.

– И я не знаю.

– Разберёмся позже. Жду тебя на третьей базе, полетим на Кеплер вместе. Возьми с собой группу Плетнёва. Кого посоветуешь взять из экспертов?

– Шапиро, пока он ещё не отправился на «Непобедимом» к центру Галактики.

– Подготовь его, дело, по всей видимости, нервное.

Иван застыл на несколько мгновений, заторможенно уставился на прозрачную стену кабинета, впустившую утренний луч солнца (солнце на Шпицбергене скоро должно было скрыться почти на полгода), потом встрепенулся и начал переодеваться.

Шапиро откликнулся на вызов достаточно быстро:

– Полковник? Надеюсь, вы звоните мне не для того, чтобы сказать – я никуда не лечу?

– Как раз наоборот, – сказал Иван. – Похоже, лететь придётся. Брандер с БОХ изменил форму.

– Да вы что?! – изумился физик.

– В связи с чем есть предложение посетить Кеплер, срочно.

– Ах ты, боже мой, какой пассаж! Извините... я собирался навестить...

– Понял, поищу другого эксперта.

– Нет-нет, я с вами! Меня подождут. Как можно отказаться?! Были у меня кое-какие подозрения насчёт бомбы... где встречаемся?

– Где вы находитесь?

– В Грузии, в Цагвери, у брата.

– Встречаемся там же, в холле первой станции метро, через полчаса. Успеете?

– Буду.

Иван вспомнил другой номер.

Андрей Плетнёв, командир оперативной спецгруппы, ответил мгновенно:

– Полковник?

– Сбор в холле первой станции метро в Цагвери, Грузия.

– Упаковка?

– Пока стандартная, упакуемся на базе.

– Принял.

Полёт, а точнее перемещение со Шпицбергена в Цагвери, потребовал всего несколько минут времени. До метро Ивана перенёс флайт тревожных служб (для всех местных руководителей Грымов работал в Центроспасе и мог предъявить карт-бланш на любой вид транспорта), а перемещение по сети метро практически не отнимало времени.

Плетнёв встретил его в небольшом зале станции так, словно ждал его здесь давно.

Поздоровались.

– Адрес? – поинтересовался крепыш Плетнёв.

– Третья база, потом Кеплер.

– БОХ?

– Ты очень проникательный, Андрей, – улыбнулся Грымов, сжимая локоть капитана. – Чую, там заваривается какая-то каша.

– Разберёмся.

– Надеюсь.

В вестибюле метро появился спешащий, растрёпанный, разгорячённый быстрой ходьбой Шапиро. Пробился сквозь небольшую толпу пассажиров; несмотря на середину рабочего дня, метро в Цагвери было загружено почти максимально.

– Не опоздал?

– Поехали, – сказал Грымов, направляясь к свободной кабине.

– Я за вами, – отстал Плетнёв, делая кому-то знак.

Через минуту Иван и Шапиро вышли из кабины метро транспортного ангара базы на Энцеладе. Спустя секунду к ним присоединились Плетнёв и его немногочисленная – восемь бойцов – команда, выглядевшая скорее как группа туристов, а не бойцов спецназа.

В отсеке всех ждал озабоченный Воеводин в компании двух мужчин, одним из которых был новый начальник базы Павел Радищев. Его сопровождал эксперт «Сокола» Семёнов, пожилой, солидный, гладко бритый.

– Надо бы переодеться, – сказал Воеводин, глянув на стандартный уник Шапиро. – Не в ресторан собрались.

– На Кеплере ему дадут «кольчугу», – сказал Радищев.

– Ладно, на месте разберёмся.

Остановились перед грузовой камерой метро, способной бросить «на струну» большую группу людей или приличной массы летатель.

– Может, я тоже с вами? – предложил Радищев, высокий, худой, с лицом аскета и голубыми глазами религиозного фанатика; в контрразведке о нём отзывались как о классном руководителе.

– Подождёте здесь, – сказал Воеводин. – Вдруг что понадобится? Я сообщу.

Расположились по центру камеры, напоминавшей трюм космолёта, взялись за поручни. Мигнули красные лампы... и ничего не произошло! Под потолком медленно разгорелось ожерелье оранжевых светильников. На стене рядом с дверью вспыхнул транспарант: «Отбой передачи! Не получен ответ».

– В чём дело? – осведомился Воеводин, поднимая голову.

– Минуту, господа, – мягко отозвался инк транспортной системы. – Вызов не прошёл, линия заблокирована.

Воеводин посмотрел на Грымова.

– Этого только не хватало... что значит – линия заблокирована? Кем?!

– Попробуйте ещё раз запустить, – попросил Иван.

Лампы мигнули. Снова зажёгся аварийный осветитель.

«Отбой передачи!» – сообщил транспарант.

– Линия заблокирована, – доложил инк. – Сигнал синхронизации не проходит, связи с финиш-створом нет.

– Странно... – хмыкнул эксперт Семёнов. – Что там могло произойти?
– На Кеплере одно метро?
– На каждой планете, – процедил сквозь зубы Иван, начиная осознавать масштабы инцидента. – Закрыто метро на втором, где в кратере торчит брандер.
– Павел, вы меня слышите?
– Слышу, – откликнулся начальник базы, – пытаюсь связаться с остальными кеплерскими базами, чтобы проверили метро других линий.

Воеводин подумал, махнул рукой, приглашая всех покинуть камеру.

Гурьбой вывалились в ангар, остановились перед Радищевым, переминавшимся с ноги на ногу возле защитных капсул, используемых во время профилактических работ на силовых агрегатах.

Начальник базы развёл руками.

– Ничего не понимаю! Такого никогда не было!

– Это не ваша вина, – сказал Семёнов.

– Но и не автоматика метро, – встрепнулся Шапиро, общавшийся с кем-то из своих знакомых. – Линию заблокировали на Кеплере, и это означает...

Грымов встретил посветлевший взгляд Воеводина.

– БОХ...

– Вирус! На Кеплере остались невыявленные агенты Знающих.

– Надо объявлять ВВУ...¹¹

– Хотя бы «Гром»!

Команду Плетнёва шатнуло: императив «Гром» означал объявление тревоги по всем подразделениям «Сокола» и активацию отрядов спецназа на всех его базах.

– Нам надо срочно прорваться к Кеплеру! – Воеводин оглядел обступивших его людей. – Есть идеи?

В потолке транспортного ангара набух и запульсировал багровый цветок тревожного оповещения. В недрах базы дважды приглушённо взвыла сирена. Получивший мысленный приказ начальника «Сокола» дежурный общей сети «спрута» начинал отрабатывать императив «Гром».

– Если заблокированы все станции... – начал Семёнов неуверенно.

– Похоже, все.

– Надо посылать спейсер...

Воеводин перестал сверлить эксперта взглядом.

– Это займёт не меньше трёх часов времени. Пока я соберу квалитет ответственности, пока мы получим разрешение Комбеза на полёт, пока подготовим транспорт...

– Подождите, Степан Фомич, – пробормотал Грымов, уже с минуту пытавшийся связаться со своим информатором. – О шевелении объекта ZS мне сообщил пограничник с базы «Лебедь» на втором Кеплере. Я ищу связь с ним.

– Ищи, я пока отдам распоряжения, всё равно готовить машину придётся. – Воеводин замолчал на несколько секунд, оглянулся на молчащего Шапиро. – Всеволод, придумал что-нибудь?

Физик уныло покачал головой.

– Не знаю, что тут можно придумать, если метро и узлы связи захвачены.

– Захвачены... это невозможно! – фыркнул Радищев. – Обе системы автономны и охраняются!

– Значит, в их охране, а ещё вероятнее – в центрах управления сидят агенты Знающих.

Воеводин посмотрел на Ивана.

---

¹¹ Императив «внезапно возникшей угрозы».

– Мне тоже пришла в голову эта мысль, – виновато признался Иван. – Моя вина, надо было предусмотреть такой вариант развития событий.

– Потом будем анализировать степень вины каждого. Самое плохое, что я не могу открыто задействовать федеральный космофлот. Там тоже могут сидеть агенты Знающих.

Иван хотел напомнить генералу о том, что командор Погранслужбы Ярослава Тихонова вполне может отдать приказ своему комфлота, но в это время услышал тихий свист канала консорт-линии. Поднял ладонь:

– Мне звонят...

«Полковник, Джой Робертс беспокоит...»

«Слышу, капрал, рад, что вас нашли».

«Это не меня нашли, это я вас нашёл. Тут такое творится!»

«Без эмоций, пожалуйста!»

«Вчера на базу прибыла бригада технического обслуживания метро, человек двадцать, хотя причин выброса такого десанта не было никаких, просто система начала сбоить...»

«Короче!»

«А сегодня эти люди перебили охрану базы и захватили полигон, в кратере которого находится объект ZS! Кроме того, захвачены и центры управления транспортной системой и системой связи! Весь персонал базы согнали в транспортный ангар. Я и мой напарник чудом не попали под облаву!»

«Что делают эти... захватчики?»

«Это страшные люди! Они неуязвимы! Я видел по мониторам – их ничто не берёт! Судя по их разговорам – мы прослушиваем сеть интеркома, – они собираются активировать объект ZS! Большая часть нападавших перебралась к нему!»

«Почему вы не сообщили об атаке раньше?»

«Потому что она началась всего десять минут назад».

– Что... там?! – страшно посмотрел на Ивана Воеводин.

– Отмените «Гром»! – одними губами выговорил полковник. – Объявите общую ВВУ! Надо подключать федералов и погранцов!

Воеводин мгновение стоял неподвижно, не сводя заледеневших глаз с Грымова, затем нашёл глазами Радищева:

– ВВУ на макс! С извещением всех спецслужб!

По толпе вокруг снова прошло движение. На лица оперативников Плетнёва легла печать готовности решать любые задачи.

– Тревога пошла, – сжал губы Радищев.

– С кем ты говоришь? – повернулся Воеводин к Ивану.

– Джой Робертс. Секунду. – Иван подключил канал связи менара с генералом. – «Джой, вы можете разблокировать линию базового метро?»

«Не уверен, в отсеке наверняка поставлена охрана, мы вдвоём не пробьёмся».

«Вам не нужно прорываться в отсек, достаточно на пару мгновений включить линию из общего командного центра, сможете?»

«Не знаю...»

«Капрал, – заговорил Воеводин металлическим мыслеголосом, – я генерал Воеводин, подразделение «Сокол». Объявлен ВВУ-макс! Это касается всех спецслужб и всех подразделений силовых ведомств! Вашего тоже! Извольте подчиняться приказам!»

«Подождите, товарищ генерал, – мягко отвлёк на себя Иван внимание пограничника. – Джой, я знаю, риск исключительно высок! Но подумайте о последствиях захвата полигона! На кону не судьба базы или Кеплера, и даже не судьба звёзд Лебеда! На кону – жизнь всего человечества!»

«Я понимаю...»

«У вас есть близкие люди, которых вы хотели бы спасти?»

«Как и у всех... наверно...»

«Так сделайте это ради них! И я навеки буду ваш должник!»

Джой Робертс передал мысленный лайк: Иван уловил призрачную кошачью улыбку и прикосновение к щеке мягкой кошачьей лапки. Капрал оценил его просьбу по-своему, отзываясь подобием призывной улыбки, но разочаровывать трикстера в данный момент не хотелось.

«Давай, капрал!»

«Я... мы попробуем... полковник».

Иван перехватил взгляд Воеводина, прижал палец к губам.

Генерал кивнул, одобряя его речь.

– Ждём в камере! У нас будет всего пара секунд на всю процедуру высадки!

– Мы на стандарте, – напомнил Плетнёв, имея в виду вооружение и экипировку группы.

– Нет времени на переоснащение.

– У меня с десятков «кольчуг» и неймсы, – восторженно Радисhev.

– Не успеем...

– А вдруг? – Начальник базы застыл, общаясь со службой обеспечения базы. – Сейчас принесут.

Воеводин жестом направил Плетнёва в камеру.

Бойцы без спешки, но очень быстро и слаженно заняли места у поручней, ожидая команды.

Потянулись минуты ожидания.

«Давай, Джой, Давай!» – поторопил Иван пограничника, хотя тот не подавал никаких признаков жизни.

Примчались грузовые кибы, принесли коробки с амуницией и ящики с оружием. Здесь были и «универсалы», и карабины «дракон» и неймсы – нейтрализаторы молекулярных связей, самый экзотический вид оружия, в луче которого таял любой вид материи.

– По очереди, по два! – бросил Плетнёв.

Бойцы бросились переодеваться: двое меняли костюмы, двое разворачивали.

Воеводин кивнул на Шапиро. Иван подал физику коробку с «кольчугой».

– Снимайте уник, быстрее! Натягивайте скаф!

– Я не справлюсь...

– Вам помогут.

Шапиро начал неумело переодеваться, без обычного ворчания, но суетливо и бестолково. Один из бойцов группы помог ему натянуть спецкостюм.

– На груди сенсор включения, – показал Иван, в свою очередь начиная переодеваться, надеясь, что успеет до того момента, когда – и если – метро бросит их «в струну» мгновенного перемещения за шестьсот с лишним световых лет от Солнечной системы.

Он успел.

Впрочем, успели все, даже Шапиро, не имевший никакого боевого опыта, если не считать таковым полёт с командой Маккены на спейсере «Ра».

– Открылся канал! – заговорил женским голосом инк транспортной системы базы. – Пуск!

Мигнули камерные осветители, на головы пассажиров свалилась плита темноты, гася сознание.

Иван очнулся от короткого небытия одновременно с Плетнёвым.

– Режим «лом»!

– Задача?

– Занять центр управления – раз! Занять полигон – два! Очистить объект ZS от «вирусы» – три!

– Выполняю. – Плетнёв отдал мысленную команду оживившимся бойцам. Двое из них встали с обеих сторон двери, направив на неё стволы плечевых «универсалов». Остальные сосредоточились вдоль стен кабины, превращённые «кольчугами» в металлических зеркальных «киборгов».

– Помочь? – Иван взял под руку Воеводина.

– Ему помощи, – буркнул генерал, кивнул на Шапиро.

Но физик справился с недомоганием сам, оттолкнул руку.

– Я в норме.

– Мне с группой?

– Идём вместе в ЦУП.

– Есть.

Дверь камеры мягко разошлась в стороны двумя сегментами.

Два «киборга» нырнули из-за стоек в проём двери, готовые открыть огонь.

За ними метнулась ещё одна пара.

Отсек метро полигона встретил их тусклым светом дежурных осветителей и тишиной. Кабины метро никто не охранял. Но за ними следили видеокамеры общего контроля, и медлить не стоило: захватившие полигонную базу пришельцы рано или поздно должны были отреагировать на прибытие неожиданных гостей.

Помчались по коридорам и пандусам комплекса, упрятанного под толщу скал и горных пород первого Кеплера, лишь один раз наткнувшись на сопротивление: два «киборга», мало отличимые от бойцов отряда, вывернулись навстречу из-за перегородок и колонн вариалифты. Вооружены они были «универсалами» и даже успели открыть огонь, но залп из неймсов превратил обоих в решето, и отряд Воеводина, спешащий на верхний горизонт базы, где располагался пункт управления полигоном, потерял всего несколько секунд.

Их встретили в кольцевом коридоре, опоясывающем центральный зал базы, из которого вырастала в небо планеты стометровая башня обзора.

Бежавший впереди боец группы внезапно дёрнулся назад, за выступ балкона над одним из технических колодцев комплекса, останавливая бегущих сзади, и в выступ с гулом врезалась невидимая «опухоль» гравитационного разряда, а за ней – трасса лазерных импульсов.

«Иван, мы наверху, нас перехватили!» – связался с Плетнёвым Грымов.

«Ждите подмогу!» – отозвался капитан. – Отвлеките охрану!»

Грымов жестом дал команду спутникам, и они начали палить по стенам коридора из «универсалов», порождая гул и треск резонансов и дрожь стен.

Боец Плетнёва кинулся в коридор, перекатившись мячиком, дал очередь из своего наплечного «универсала».

Иван последовал за ним, сделал то же самое, поймал в колечко прицела на забрале шлема косую тень в лабиринте стоек, выстрелил из «неймса».

Раздался крик, тень исчезла.

В тылу засевших по обе стороны от входа в центр защитников началась стрельба, загрохотало.

Иван поймал ещё один движущийся блик, выстрелил.

Стрельба прекратилась.

«Свои!» – послышался чей-то мыслеголос, и в коридоре появились два зыбких, почти невидимых «призрака».

«Степан Фомич!» – позвал Иван.

Появились «киборги» – Воеводин и Шапиро.

Все собрались у двери в зал, на которой мигала красная полоска блокировки.

«Джой!» – на всякий случай вызвал пограничника Иван.

Робертс неожиданно отозвался, хотя Иван и не ждал ответа, считая его погибшим:

«Полковник, мы отступили в один из неиспользуемых штреков, Вероник ранен...»

«Мы уже возле главного зала, идём на штурм, присоединяйтесь!»

«Как вас узнать?»

«Вы в стандарте?»

«Обычные «кокосы»...

«Мы все в «кольчугах», опознаватель «свой» по запросу – две зелёные вспышки».

«Понял, возвращаемся».

Иван ткнул рукой в дверь зала, жестом попросил спутников отойти в сторону.

«Залп!»

Четыре невидимых копья, вырвавшиеся из дул неймсов, вонзились в дверь, проделывая в ней звёздообразные дыры размером с туловище человека.

«Ещё!»

Второй залп довершил разрушение, правый сегмент двери с грохотом выпал в зал. Иван прыгнул в дымящуюся дыру, ища глазами противника.

Сверкнули лазерные трассы, одна задела плечо, но защиту «кольчуги» пробить не смогла. Иван ответил. Ему помогли ворвавшиеся следом бойцы Плетнёва, и стрельба прекратилась.

Охраняли центр управления три «киборга». За изогнутым пультом, перед большим виомом сидели два оператора, третий – в чёрно-белом официал-унике чиновника высокого ранга, стоял справа от линейки кресел и задумчиво смотрел на картину в глубине виома, сложив руки на груди.

Виом показывал кратер, залитый густым «жидким» светом двух солнц в небе – оранжевого и тускло-жёлтого. В центре кратера располагалась странная конструкция, напоминающая тушу гигантского чешуйчатого кита с мордой крокодила и пластинчатой спиной черепахи. Это и был брандер Знающих-Дорогу, внутри которого пряталась Бомба Хаоса, предназначенная для уничтожения человеческой цивилизации. Длина «крокодилочерепахи» не превышала трёх километров, поэтому трудно было представить, чтобы такой несолидный «астероид» – по сравнению с планетой – мог разрушить объект диаметром более двенадцати тысяч километров. Но Иван помнил сообщение «пылевигов», чью систему уничтожила такая «крохотулька», и душа на мгновение ушла в пятки.

Воеводин откинул шлем, шагнул к человеку в чёрно-белом, крупноголового, с мощным лбом и с ещё более мощной челюстью.

– Ван дер...

Начальник полигона, принимавший участие месяц назад в испытании нового слим-модулятора, повернул к нему голову.

– Генерал...

– Я вас недооценил.

– Я вас тоже. Но вы не успеете, друг мой, сейчас мы запустим брандер, и вам останется только ждать, когда он протаранит Солнце.

Воеводин щёлкнул пальцами.

Иван двумя выстрелами снёс кресла перед пультом вместе с операторами.

Ван дер Ваальд презрительно изогнул губы.

– Это не поможет. Программатор на борту брандера, а он включается автономно.

Воеводин переглянулся с заместителем.

– Плетнёв?

– В кратере.

– Мчись туда, реши на месте!

Иван бросил взгляд на предателя, согласившегося служить эмиссарам Знающих.

– Его куда?

– Откроем метро – сдадим спецам.

Ван дер Ваальд снова скривил губы, продолжая наблюдать за «крокодилочерепахой», и стало понятно, что смерти он не боится, зная о закладке в психике программы самоуничтожения.

– Беги, Ваня! – выдохнул Воеводин.

Иван метнулся из зала...

Глава 4

И один в поле воин

Сутки никто не спал.

«Ра» закрутил «стохастическую карусель» (по выражению Майкла Шеридана), то есть бегал по космосу в сфере радиусом два светогода, меняя галсы и траектории в соответствии с вероятностным разбросом, как меняет вектор движения молекула газа в броуновской толкотне, сталкиваясь с другими молекулами, и пока это помогало ему оторваться от преследования вражеского флота. Под защитой «зеркала» корабль был не виден, а точно определить местонахождение невидимой гравитационной «ямы», которой он стал, охотники не могли.

И всё же их было много. «Ра» метался в пространстве мелкими – до сотни миллионов километров – прыжками, Клиффорд насчитал более тысячи «крокодилочерепах», охранявших подступы к Парусам, и меньше их не становилось.

Разумеется, команда Руслана в маневрах никакого участия не принимала. Командовал парадом Маккена, его удивительно слаженный коллектив действовал безупречно, инк космолёта был на высоте, и осуждать кого-либо за неточность исполнения маневра или за неправильное действие было нельзя. Потому что неправильных действий не было!

Однако сторожевых «крокодилов» и в самом деле было слишком много.

Первой об этом заговорила Роза Линдсей, инконик и астрофизик экспедиции, жена Маккены.

– Мы разворошили осиный рой, – проговорила она грустно. – Может быть, отступим?

Возбуждились пилоты «Ра», Воеводин и Терёшин, наперебой предлагая варианты маневрирования. Один из них, озвученный Артуром, показался Руслану заманчивым: нырнуть в Дыру за Парусами и переждать, пока паника в рядах вражеского флота прекратится.

Руслан оценил предложение сына Воеводина, однако извещать об этом Маккену не стал, справедливо полагая, что экипаж корабля сам в состоянии принять правильное решение.

Прошёл час, другой, третий.

«Ра» продолжал свои «заячьи» прыжки по ломаным траекториям, сбивающим с толку рать охотников и не позволяющим им приблизиться к кораблю на расстояние прицельного удара. Они, правда, стреляли, имея в своём распоряжении нечто вроде аннигиляционных пушек и лазеров, но попадали в основном в пустоту либо по своим же коллегам. «Ра» опережал их по всем параметрам, не отвечая пока на мощные выплески вражеских батарей.

Маккена молчал. Но, как оказалось, он просто обдумывал своё решение, не потеряв ни грамма твёрдости духа и решительности. Удивить этого человека или озадачить чем-либо было невозможно.

– Пассажиры, есть разговор, – прилетел голос капитана в уши каждого члена группы Руслана.

– Слушаю вас, Рудольф, – после паузы отозвался молодой человек, созерцавший, как и все подчинённые, необозримый океан космоса, пронизанный острыми лучами звёзд и всполохами энергетических разрядов, наносимых мечущимися вокруг Парусов «крокодилочерепахами».

– Вопрос на засыпку: что произойдёт, если мы нырнём в Большую Дыру?

Руслан хотел напомнить капитану, что в экипаже есть свой специалист-астрофизик – Роза Линдсей, но подумал, что Маккена уже посоветовался с ней и хочет услышать другое мнение.

– Майкл?

– Э-э... – промямлил Шеридан, которого явно застал врасплох вопрос командира группы. – Я полагаю... мы ещё не совсем уверены, какой мерности брана врезалась в нашу 3-

брану...¹² возможны эффекты... по тем данным, что мы располагаем, можно судить лишь о возрастании мерных осцилляций вакуума в слабополевым базисе...

– Попроще, пожалуйста.

– Э-э... в данном случае мы имеем дело не с сингулярностью типа чёрной дыры, а с областью иномерного континуума, порождающего коллапс волновой функции...

– Ещё проще.

– Материальные объекты нашего континуума, скорее всего, начнут распадаться на «струны», так сказать, испаряться... устье Дыры по сути представляет собой гиперповерхность с многомерным волновым фронтом... обладающим бесконечным значением тензора Римана...

– Очень просто, – фыркнул кто-то.

– То есть вы хотите сказать, что корабль начнёт испаряться?

– Ну-у... какое-то время он способен продержаться под защитой «зеркала»... если не начнётся фазовый переход...

– Понял, спасибо. – Маккена отключил связь.

– Майкл, вы и в самом деле считаете, – спросила Марианна Вележева, – что в иномерном континууме Большой Дыры мы продержимся какое-то время?

– Я не утверждаю, – пробормотал физик. – Я надеюсь.

Послышались смешки: последнюю фразу физика услышал экипаж корабля.

Прыгнули в глубь созвездия Кентавра на десять световых лет.

– Предлагаю всем обсудить ситуацию, – объявил Маккена, когда инк доложил ему об отсутствии в данной области пространства каких-либо источников опасности; «крокодилочерепахи» сюда не залетали. – Есть два варианта. Первый – сбросить «суслик» за Парусами, поближе к Дыре, и попытаться отразить все атаки «вирусного» флота, пока нам не передадут груз. Второй – подойти вплотную к Дыре, практически войти в неё и уже там сбросить «суслик». После чего дожидаться брандер и отправить его в Дыру поглубже. Что скажете?

Корабль объяла тишина. Молчали даже не унывающие ни при каких обстоятельствах ёрники Иванов и Терёшин.

– Вообще-то оба варианта дохлые, – заметил вдруг Веласкес, чего от него никто не ждал. – Ни тот ни другой не гарантирует достижения цели.

– У вас есть другое предложение? – с подчёркнутой вежливостью спросила Вероника Солнышко.

– Нет.

– А желательно иметь, – осуждающе проговорил Вячеслав Терёшин, всегда и во всём соглашавшийся с мнением Вероники.

– Запустить «динго»¹³, – несмело заявила Вележева.

– Да? – благожелательно поддержал её Маккена. – Для чего?

– Отвлечь охотников...

– Неплохая идея, мы ею обязательно воспользуемся, однако нужен радикальный выход.

Руслан набрался сил.

– Есть выход, – сказал он. – Запускаем «динго» корабля, а лучше два или три, чтобы охотники бросились за ними в погоню, прыгаем к Дыре, сбрасываем «суслик», вместе с программатором на борту, закрываем его «зеркалом»... после чего корабль начнёт отвлекающий маневр.

Ответом ему было молчание. Потом заговорил Артур Воеводин:

---

¹² В соответствии с теорией «суперструн» наша Вселенная представляет собой 3-брану; брана – от слова «мембрана» – элементарный объект теории струн.

¹³ «Динго» – от слов «динамическая голография», – копия объекта в натуральную величину.

– Это уже серьёзный план, да, командир? Просчитаем, подготовимся... всего один вопрос: «суслик» можно спрятать под «зеркало»?

– Можно, только он не сможет после этого принять груз, – ответила Вележева. – «Зеркало» представляет собой слой деформированного вакуума, который не позволит сигналу с Кеплера пробиться к «суслику».

– То есть нужно, чтобы «суслик» кто-то разблокировал, находясь на самом модуле.

– Не обязательно на самом модуле, команду можно подать с борта любого летателя рядом, но он должен будет находиться рядом с «сусликом».

– Всё равно нужен оператор.

– Я включу «суслик»! – как можно твёрже заявил Руслан.

– Герой! – восхитился Терёшин.

– Мы вместе это сделаем! – отрезала Марианна Вележева не менее твёрдо. – И проследим за приёмом груза.

– В окружении «крокодилов»? – с ехидной ноткой спросил Терёшин. – А они будут смотреть на вас и аплодировать.

– Отставить тон, пилот! – сухо оборвал подчинённого Маккена. – Никто не собирается рисковать жизнью в таких условиях. Думайте ещё, предлагайте другие варианты. Отдыхаем час, режим стандартный.

Послышались весёлые голоса членов экипажа, шум, смех, сеть корабельного интеркома никогда не отключалась, но никто не обращал на это внимания. Экипаж собрался пить кофе в кают-компании и приглашал пассажиров присоединиться.

Час пролетел незаметно. Группа Руслана давно перестала чувствовать себя как в чужом доме, леди обоих коллективов легко перешли на «ты», остальные тоже сдружились, и Руслан почувствовал себя не пассажиром, а членом дружной семьи, да ещё с особыми полномочиями: за исход миссии в большей степени, чем другие, отвечал он.

Компания уже возвращалась в свои боксы-каюты, когда Маккена напомнил о себе:

– Дамы и господа, прошу занять места. Мы получили депешу с базы Энцелада: брандер захвачен агентами Вируса, однако может быть запущен к нам в любой момент! Посему включается режим ЧС! Горюнов, предлагаю реализовать вашу идею.

– Я... готов! – едва не взял «под козырёк» Руслан.

– Берите любой модуль из имеющихся в наличии на борту, устанавливайте программатор, включайте слим-модулятор в режим приёма груза. Мы десантируем вас как можно ближе к Дыре, а потом заберём, когда «суслик» примет груз.

– Спускаемся. Команде – в трюм!

Выбрались из кают, сели в вариалифт, добрались до грузового отсека.

– Командир, должна запустить «суслик» я! – возбуждённо заговорила Марианна. – Это моя епархия! Я отвечаю за его работу!

– Мне тоже надо лететь, – флегматично заметил Шеридан. – Я могу быть полезен при расчётах режимов в условиях нелинейного взаимодействия континуумов.

– А я отвечаю за безопасность группы, – подвёл итог переговоров Веласкес. – Летим все!

Тёплая волна благодарности омыла сердце. Он не ошибся в подборе команды, и только участие всех в чудовищно опасной аванюре могло гарантировать успех десанта.

– За работу!

Что-то пробормотал Терёшин, ему резко ответила Вероника, но Руслан не прислушивался к их репликам. Наравне со всеми он принялся готовить «суслик» к сбросу, привычно настраивая нервную систему на стрессовую нагрузку и веря, что у них всё получится.

Выбрали хорошо защищённый грузовой драккар, погрузили в него программатор для «суслика», способный запустить его дистанционно, хотя он имел и собственный контур управления.

Сняли с капсулы «суслика» все крепления, с помощью кибов установили аппарат в катапульту для сброса в космос разного рода спутников.

Заняли места в драккаре.

– Мы готовы, – доложил Руслан в рубку управления.

– Включайтесь в общую визор-сеть, – предложил Маккена. – Будете видеть то же, что и мы.

Воткнули разъёмы инфоров в гнезда на подлокотниках кресел драккара. Перед глазами каждого пассажира раскрылась угольно-чёрная полусфера обзора, сориентированная таким образом, что стали видны ажурные куртины Парусов, занимающие чуть ли не половину фронтального поля видимости. С расстояния в сто миллионов километров они казались хрупкими светящимися паутинками, складывающимися в изумительно красивый фрактальный узор, но диаметр Антенны, выращенной Знающими-Дорогу «из пустоты», достигал пяти световых лет, и масштаб деятельности Вируса в Метавселенной человечества кружил голову. Люди такие грандиозные конструкции создавать не могли, несмотря на успешное строительство Супер-струнника за орбитой Марса.

Сфера обзора выстрелила пологом темноты: «Ра» прыгнул.

Сознание прояснилось.

Паруса перед глазами Руслана исчезли: они теперь находились за кормой космолёта.

Чуть вверху и впереди возникло световое облако, за считанные доли секунды сформировавшееся в двойной конус космического крейсера. Конус – это была голографическая копия крейсера земного космолота «Лалангамена» в натуральную величину («Ра» имел форму одностороннего конуса) – скачком переместился влево по ходу движения самого «Ра», начал удаляться.

Какие-то крупные звёзды на фоне звёзд неподвижных сорвались с «небосклона» вслед за «динго». Отколовшийся от основного видеоизображения кусок малого виома показал тушу «крокодилочерепахи». Голографический пузырь заметили, и за ним бросились в погоню сторожевые «псы» Антенны.

На глаза упала чёрная накидка: «Ра» сделал ещё один прыжок.

На сей раз он зашёл с другого края Антенны, повторил сброс «динго» и тут же нырнул в «струну», чтобы через несколько мгновений выйти из «подпространства» в нужном районе – у обреза Большой Дыры, который Майкл Шеридан назвал «гиперповерхностью с бесконечным значением тензора Римана».

Они снова были в космосе – наедине с чёрной пропастью, сверкающей алмазными россыпями скоплений галактик в безбрежных просторах пространства. Однако в отличие от прежнего положения, когда группа располагалась в надёжно защищённых капсулах в глубинах космолёта, ощущения были другими. Драккар тоже был неплохо укрыт и даже имел полевые мембраны, маскирующие его размеры и конструктивные особенности, но одно дело – прятаться в боксах внутри огромного мощного корабля, другое – сидеть в кокон-креслах небольшого судна, пусть и скоростного, и маневренного, но не обладавшего серьёзными средствами защиты.

Впрочем, никто из членов группы об этом не думал и пути отступления не искал. Все хотели одного – выполнить поставленную перед ними задачу, и настраивали себя так, как умели.

Руслан подключил контур режима аффилированной связи с киб-пилотом драккара (это был обычный компьютер, не имеющий персональных характеристик, поэтому о режиме «одина-одина» речь не шла) и мог теперь мысленно управлять аппаратом с весьма приличной скоростью.

Марианна взяла на себя управление «сусликом» и программатором, получая ответы от двух систем сразу.

– Слим готов к приёму груза! – доложила она.

– Ждём, – отозвался Руслан, отводя драккар от раскрывшейся лепестками тюльпана капсулы слим-генератора на полкилометра, но не отключая магнитных захватов, удерживающих «суслик» не хуже троса.

Вокруг пока ничего особенного не происходило.

Паруса – хрупкий «морозный узор» на прозрачной бездне космоса – сияли в сотне миллионов километров «за спиной».

Кольцо красных звёзд, окружавших чёрный провал тьмы перед носом драккара, испускало угрюмое сияние, подчёркивающее угрозу, исходившую от провала.

Пару драккар – «суслик» сносило в этот провал, поэтому приходилось сдерживать снос постоянно работающими антигравитами, но пока мощности двигателей драккара хватало, можно было не беспокоиться об этой проблеме.

«Ра» исчез, начиная дразнить сторожевых «псов» Антенны где-то у её края. Но увидеть его маневры пассажиры драккара не могли, аппарат не обладал мощными системами обзора, да и световой сигнал от космолёта долетал в эту область пространства не мгновенно, приходилось ждать минуты, так как их разделяло расстояние в десятки миллионов километров.

Не проявляли себя и «крокодилочерепахи», стерегущие Антенну, по тем же причинам: любой сигнал от них (не считая разве что «суперструнного» пакета) достигал глаз наблюдателей в драккаре далеко не сразу, тем более если они тоже находились далеко отсюда.

Лишь дважды Руслан засёк слабые вспышки света, похожие на тонкие метеорные следы в атмосфере Земли. Возможно, это проявились сторожевые корабли Знающих. Но проходила минута за минутой, рядом с парой земных аппаратов никто не выныривал из темноты, и Руслан слегка расслабился, подумав: «Может, пронесёт? Никто нас не заметит? Отделаемся лёгким испугом?»

– Как настроение, орлы? – бодро спросил он.

– Нормально, – ответил Веласкес.

– Что-то слишком тихо, – рассмеялась Марианна.

– Майкл?

– Я думаю, – откликнулся Шеридан. – Хотелось бы заглянуть в Дыру. К сожалению, эта машина не имеет таких систем физического анализа, какие установлены на «Ра». Здесь, всего в сотне тысяч километров от нас, изменяется барионная структура нашего континуума, а мы ничего не видим и не ощущаем.

– И хорошо, что не ощущаем. Хотя, с другой стороны, и в самом деле хочется понять, что происходит.

– Меняется волновая функция вакуума... к нам выплёскивается не простой бозе-конденсат, а несимметричный, осциллирующий, псевдоголдстоуновский фрагмент бран-дистиллята.

– Переведите.

– Многомерный «туман», образно говоря.

– От него можно закрыться?

– Не знаю, не уверен, там само время становится многомерным и превращается в пространство... и наоборот.

– Не могу представить, – покачал головой Руслан.

– Я тоже, – признался физик под смех спутников.

Включилась рация драккара, имеющая стринг-модем:

– Горюнов, что у вас?

– Тишина. А у вас?

– Стреляют, – прилетел смешок Терёшина.

– При малейшем подозрении на атаку – сигнальте!

– Непременно.

– Стреляют... – задумчиво проговорила Марианна. – За ними сейчас охотится весь здешний «крокодилий» космопарк!

– Они уже сражались с охраной Антенны, – сказал Веласкес флегматично.

– Это ни о чём не говорит.

– Это говорит о настрое команды. Опытней Маккены у нас в космофлоте нет капитана. Да и вооружён «Ра» неплохо.

– Их слишком много.

– Численное превосходство когда-нибудь кончается.

Веласкес не ответил.

Помолчали, разглядывая паутину Парусов-Антенн и россыпи далёких галактик, одна из которых копьём устремлялась к угрюмому ожерелью красных звёзд. Нервничали. Ждали событий. Ждали появления груза.

И дождались, но не того, чего хотели.

С трёх сторон сферы обзора к драккару покатились звёздочки поменьше, нацеливаясь на «тюльпан» слим-генератора.

– Охотники! – процедил сквозь зубы Веласкес.

– Рудольф, к нам гости! – отреагировал Руслан, ощущая непреодолимое желание схватиться с «крокодилочерепахой» в прямом бою и сломать ей хребет.

– Понял, идём к вам! – ответил Маккена.

Счёт пошёл на секунды...

Глава 5

Ждите посылку

Спасти Ван дер Ваальда не удалось. Программа самоликвидации, встраиваемая эмиссарами Знающих в психику добровольно согласившихся сотрудничать с ними людей, сработала раньше, чем на базу полигона, расположенного на первом Кеплере, прибыли медики «Сокола». Единственное, что он успел сказать перед смертью, а по сути – проговориться, – было заявление: они не остановятся!

Терять Знающим-Дорогу и в самом деле было нечего, а время для них ничего не значило. Во Вселенной «вирусят» оно не играло роль длительности физических процессов, представляя собой несколько пространственноподобных измерений.

Представить себе пространство с дополнительными временными измерениями Воеводин не мог, поэтому и не стал углубляться в эту область физики, будучи конкретно мыслящим человеком. Но вопрос эксперту он всё же задал, так как хотел знать, к чему стоило готовиться. Когда тело начальника полигона унесли, глава «Сокола», не спускавший глаз с глыбы «крокодилочерепахи» в растворе виома, проговорил:

– Всеволод, что произойдёт, если БОХ взорвётся здесь, на Кеплере?

Шапиро, также поглядывающий на кратер с торчащей из него тушей брандера, сел рядом с Воеводиным перед пультом, устало откинулся на спинку кресла; напряжение, в каком они пребывали уже второй час с момента броска на Кеплер, начало сказываться и на нём.

– Нужен небольшой экскурс в историю.

– Если только совсем небольшой.

– Наша Мета Вселенная рождалась как 11-брана, то есть имела одиннадцать измерений, десять пространственных и одно временное.

– Где-то я уже слышал об этом, – с иронией сказал Степан Фомич.

– Прошу прощения, генерал, что приходится повторять элементарные вещи. После периода инфляционного расширения семь из десяти пространственных измерений схлопнулись в «суперструны», оставив нам три – длину, ширину и высоту. Мета Вселенная Знающих, врезавшаяся «углом» в нашу в районе Кентавра-Парусов, имеет *другой* набор констант и физических законов. А главное – она реализована с другим набором измерений! Понимаете?

– Дальше.

– По косвенным данным она не трёхмерна, а по крайней мере шестимерна. Уточнить количество измерений я не могу, но считаю, что их больше шести и меньше семи, то есть Вселенная Знающих имеет нецелочисленное количество измерений. Кстати, наш континуум тоже не точно трёхмерен, он упрощается с ростом ускорения расширения и скатывается к двумерии. В настоящее время мы перестали быть трёхмерными существами, цифра близка к двум целым и девятьсот девяносто восьмью тысячным. Одно из пространственных измерений потеряло часть протяжённости.

Воеводин отвлёкся от созерцания «крокодилочерепахи»: в кратере уже высадились отряды Федеральной Службы безопасности, наравне с силами контрразведки, и успешно освожили кратер и сам брандер от захватчиков, не успевших спровоцировать взрыв Бомбы Хаоса, – лицо генерала на мгновение потеряло твёрдость гранита.

– Это ваши личные фан... э-э, выводы?

– Нет, генерал, это не мои фантазии, – усмехнулся Шапиро. – Это результат исследований физиков с мировыми именами, работающими с М-теорией. Согласно их оценкам наш метагалактический домен теряет трёхмерность. До свёртки трёхмерия в 2-брану нам ещё далеко.

Теперь о взрыве Бомбы. Поскольку она представляет собой «кристаллизованный» вакуум Вселенной Знающих, то при активации он начнёт стремительно расширяться.

– Как Ось Зла в Омеге Кентавра?

– Я уже говорил, там порождён другой процесс – фазовый переход с диссипацией мерности до гигантских величин. Если же взорвётся БОХ, – Шапиро ткнул пальцем в виом, – наши обычные пространственные измерения начнут свёртываться в струны, а свёрнутые измерения, взаимодействуя с вакуумом мира Знающих, начнут разворачиваться из микроскопически малых, становиться большими, протяжёнными.

– И что будет?

Шапиро взъерошил волосы на голове.

– Барионная материя нашего домена просто-напросто перейдёт в «суперструнное» состояние. Протоны, нейтроны, кварки – станут «суперструнами», свернутся в сверхмалые объекты с планковскими размерами. Планеты, туманности, звёзды – исчезнут. Нашу брану заполнит Великая Пустота.

– Полно!

– Ну, я, может быть, несколько преувеличил масштабы, БОХ всё-таки имеет конечные размеры и массу, её взрыв, скорее всего, уничтожит лишь планеты и звёзды Кеплера. Остальное звёздное окружение созвездия уцелеет.

– Спасибо и на том.

– Не за что. Единственное, чего я ещё не просчитал, – это взаимодействие ударной волны многомерного перехода с чёрной дырой. Не хватает данных. Я не знаю, чья энтропия выше – чёрной дыры или ударной волны. Но эффекты должны быть офигительными!

– Это физический термин?

Шапиро расхохотался.

– Это мои эмоции.

– Наши ребята сейчас в Кентавре-Парусах, у Антенны, они сделают необходимые замеры.

– Нужны параметры среды в самой Вселенной Знающих, а для этого надо нырнуть в Дыру и замерить там.

– Возможно, мы запустим туда зонд.

– Зонд – это хорошо, – погрузился Шапиро. – Но мне хотелось бы самому быть в кабине зонда.

– Вот только без фанатизма, – буркнул Воеводин.

– Генерал, зачистка закончена, – принесла рация голос Грымова. – Потери: двое наших, четверо федералов.

– Сколько было захватчиков?

– Не менее двух взводов.

– Когда их успели зазомбировать и, главное, где?

– Выясним.

– Что на брандере?

– Один из операторов ещё дышит, лежит под реаниматором, можете допросить его лично.

– Бегу. – Воеводин встал, жестом предложил Шапиро следовать за ним. – Нас ждут.

Однако сразу отправиться к кратеру не удалось. Уже за пределами зала Воеводина настигло сообщение дежурного инка сети «спрута», что с ним хочет обсудить ситуацию глава Федеральной контрразведки, начальник Управления «К», адмирал Тадеуш Гицгер.

Агентом Вируса Гицгер не был, но в схватке контрразведчиков с агентурой Знающих себя не проявил, и Воеводин был невысокого мнения о его организаторских и других способностях, однако вынужден был с ним считаться и отвечать на запросы ведомства.

Пришлось вернуться в зал и включить обратку с пульта управления полигоном.

Напротив Воеводина виом соткал голографическую фигуру адмирала, маленького роста (метр с кепкой, как отзывался о таких малышах Ваня Грымов), худого, коричневолицего, морщинистого, с большими скрученными ушами; сотрудники Управления называли его меж собой не иначе как «пришелец».

– Что вы затеяли на Кеплере, генерал? – брюзгливо осведомился Гицгер. – Зачем подняли по тревоге все службы?

Воеводин пожалел, что не предупредил дежурного инка о своей крайней занятости.

– На базу системы Кеплера напали террористы, – сухо произнёс Степан Фомич. – Есть жертвы. Через два часа доложу вам о событиях и причинах происшедшего по всей форме.

– Мне уже доложили. Вы действуете, не имея качества ответственности. Понимаете, чем это может вам грозить?

– Императив ВВУ позволяет не отвлекаться на организацию качества. По причине масштаба угрозы и отсутствия времени. Вы должны это знать. А масштаб угрозы таков, что вы сделали бы то же самое: под ударом вся система звёзд Кеплера! Мало того, если террористам удастся поднять брандер, под ударом может оказаться Солнечная система!

– Это не освобождает вас от исполнения инструкций.

– На моём месте любой человек действовал бы точно так же!

– Не расписывайтесь за всех! – Гицгер пожевал губами, подыскивая формулировку. – Боюсь, вам придётся ответить по закону. Ваше хвалёное суперсекретное подразделение не справляется со своими прямыми обязанностями – поиском иноразумной агентуры, я вынужден доложить об этом в вышестоящие инстанции. – Начальник Управления контрразведки помедлил: – В Комитет безопасности!

Воеводин невольно подумал, что наблюдатели ошиблись и Тадеуш всё-таки служит Вирусу. Гицгер *слишком* хорошо играл недалёкого служаку, прячущегося за инструкции, что было допустимо для чиновника, пусть и высокого ранга, но недопустимо для контрразведчика.

– Это ваше право. Только прошу учесть одно обстоятельство: вас обязательно спросят, где были вы!

Повернувшись к изображению спиной, Воеводин зашагал мимо стоявшего в двух шагах Шапиро. В коридоре он процедил сквозь зубы:

– Каков сукин сын, а?!

– Плохо, что это не наш сукин сын, – фыркнул физик, спеша следом.

В транспортном терминале базы их ждали флайт и двое парней Грымова, упакованных в «кольчуги». Иван прислал их специально, так как беспокоился за жизнь начальника больше, чем за свою, и Воеводин в который уже раз подумал, что у него есть хорошая смена и пора уходить на покой.

Взлетели над горным рельефом гигантской планеты, окутанной плотной углекислой атмосферой, в отличие от двух других планет, таких же больших, но не имеющих такой воздушной оболочки. Правда, все три планеты, нередко меняющие орбиты, перелетающие от одной звезды к другой, практически ничем, кроме состава атмосфер, не отличались друг от друга, за что систему и назвали «тройным Кеплером».

Воеводин не был ни на одном из Кеплеров, поэтому невольно увлёкся созерцанием пейзажа и двумя светящимися куполами в разных концах небосвода. Это были звёзды системы, одна поярче, жёлто-оранжевая, усеянная «кустиками» протуберанцев, вторая потусклее, красная, вся в тёмных оспинах менее нагретых ячеек.

Кроме того, в небе планеты виднелись ещё два диска, совсем тусклые, подёрнутые дымкой, – соседние планеты Кеплера, а также узкие хвосты метеорно-пылевых колец.

Флайт перевалил через горную цепь, и перед ним распахнулся огромный кратер, в центре которого угрюмо высилась чешуйчатая, иссечённая трещинами, зеленоватая гора «крокодилочерепахи», издали и в самом деле напоминавшая по форме этих земных животных.

Над кратером суеились облачка искр: императив ВВУ согнал сюда весь флот системы, и к туше брандера слетелись «пакмаки» и катера ФСБ, Погранслужбы и МЧС. Вверху, на стокилометровой высоте, сверкал двойной конус спейсера «Миннесота», принадлежащего пограничникам, наблюдавшего за суетой летательных аппаратов поменьше как пастух за стадом овец.

Ки́б-пилот флайта знал маршрут, поэтому ждать маневра и разрешения на посадку не пришлось. Прodelав стремительный пируэт над горбом брандера Знающих, аппарат с ходу воткнулся в двадцатиметровой высоты бликующий стеклом купол научно-исследовательского комплекса, рядом с линейкой других аппаратов.

По коридорам сооружения ходили парами и тройками спецназовцы в боевых комби, вооружённые до зубов, с турелями «универсалов» на плечах. Кое-где виднелись лежащие на полу и в помещениях тела работников комплекса, убитых захватчиками, и блистающие металлом фигуры самих захватчиков. Всё здесь говорило о недавнем коротком, но жестоком бое, и Воеводин мимолётно подумал, что больших потерь удалось избежать лишь благодаря профессионализму бойцов Плетнёва, прошедших великолепную школу войны с агентами Знающих.

Грымова и его команды в зале управления исследовательского центра не было, они ждали генерала где-то в недрах брандера, о чём Иван и доложил шефу после того, как тот его вызвал.

– Спускайтесь к нам, – сказал полковник, – мы стережём подходы к трюму брандера, где спит БОХ. Из купола сюда проложен технический коридорчик.

Один из парней, встретивших Воеводина и Шапиро, махнул им рукой, получив приказ проводить начальство. Двинулись за ним.

Коридор, соединявший комплекс и тушу «крокодилочерепахи», представлял собой прозрачную трубу длиной около сорока метров, по дну которой были проложены пучки кабелей. Труба была герметичной, но шлемы снимать не стали во избежание сюрпризов.

По мере приближения к горе брандера становились отчётливо заметны детали его обшивки, и Воеводин с содроганием увидел причудливые изгибы, петли и ажурные ростки «мха», облепившие нижнюю часть корпуса брандера, так хорошо знакомые по фотографиям ферм, соединявших звёзды Оси Зла. Что-то здесь произошло. То ли включилась какая-то особая программа защитных устройств брандера, начавших выпускать «пар» из Бомбы, то ли её субстанция сама нашла трещины в обшивке. Сути это не меняло: БОХ действительно могла рвануть в любой момент!

– Я тоже так считаю, – заявил Грымов, встретивший Воеводина внутри выходной камеры брандера и оценивший его молчание. – Надо немедленно запускать эту чёртову посудину в район Парусов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.